No. 62 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ДЕКАБРЬ 1960 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

36-й год издания

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы намеревались выпустить этот номер „ДТ-П" в увеличенном размере и посвятить его, если не полностью, то в значительной мере, Л. Н. Толстому по случаю 50-летия со дня его смерти. Но внезапная смерть Ивана С. Щура, набиравшего и печатавшего наш журнал в последние годы, разбила наши планы. Все попытки найти человека, который занял бы место умершего Щура, оказались безрезультатными. И в конце концов пришлось ограничиться напечатанием (да и то с большим опозданием) лишь того материала, который успел набрать покойный Щур. А набрал он, к сожалению, весьма немного из предназначившихся для этого номера статей. Само собой разумеется, что если нам удастся наладить издание журнала, то все ненабранные статьи будут набраны и напечатаны.

Народная мудрость гласит: где есть жизнь, там должна быть и надежда. Будем, поэтому — пока живы — надеяться, что издание журнала будет, тем или иным путем, налажено, и что следующий номер нам удастся выпустить в намеченный срок — весною 1961 г. — и посвятить его 50-летию анархической печати на русском языке в Соединенных Штатах. Событие это весьма важное. Наши товарищи, выпустившие в марте месяце 1911 года первый номер „Голос Труда", повидимому, и не помышляли, что начатое ими дело — анархическая печать на русском языке в США — просуществует 50 лет. А вот просуществовала... Как просуществовала — вопрос особый. Было все: под'емы и падения, радость и уныние, но никогда не было на протяжении этих последних 50 лет, чтобы мы не имели своей печати. Если не газета, то журнал, если не журнал, то газета — всегда что-нибудь было. И теперь нам, оставшимся еще в живых (а осталось нас уже немного), представляется возможность вспомнить и рассказать о том, что было...

В заключение этих строк следует сказать хоть несколько слов о покойном Иване Щуре. И. Щур, пока не набирал нашего журнала, имел весьма смутное представление об анархизме, считал его, как и большинство заурядных обывателей, чем-то странным и диким. Но как только он начал набирать наш журнал — стал преданным нашим единомы-

шленником. На журнал смотрел, как на что-то родное, вследствие чего внешняя сторона журнала значительно выигрывала. Никогда не отказывался сделать то, чего по своей обязанности он не должен был делать. Работать вместе с ним — было одно удовольствие. Жаль, очень жаль, что сравнительно недолго пришлось вместе с ним поработать.

ТОЛСТОЙ — АНАРХИСТ

П. Эльвбахер в своей книге „Анархизм" называет Л. Н. Толстого анархистом, а его учение — анархизмом. Книга Эльцбахера была напечатана еще при жизни Толстого. Ни сам Толстой, ни кто-либо из анархистов не возражали против зачисления Толстого в анархисты. Наоборот, Толстой книгу Эльцбахера назвал честной и добросовестной. Еще лучшего мнения о ней был Кропоткин. Таким образом, если кто и может считать Толстого „своим" — так только анархисты.

Сказано это, конечно, только между прочим. Говорить об этом серьезно — более чем нелепо. Присваивать Толстого никто не может. Толстой принадлежит всему миру, всему человечеству. Мировой он, как писатель, мировой, как мыслитель, мировой и как общественный преобразователь. Но что правда, то — правда. Как из песни нельзя выкинуть слова, так нельзя представить анархизм без Толстого, а Толстого — без анархизма.

Анархизм Толстого, конечно, особенный, не похожий на анархизм других теоретиков этого учения. Но в том то и сила анархизма, что он разнообразен.

Правда, своего учения Толстой анархизмом не называет. Но дело тут не в названии, а в том, *что* Толстой говорил и к *чему* он стремился. А стремился он к подлинному анархизму, хотя и не называл его анархизмом.

Вот, например, что говорит Толстой о государстве (цит. по Эльцбахеру):

„Если и было время, что при известном низком уровне нравственности и при всеобщем расположении людей к насилию друг над другом, существование власти, ограничивающей эти насилия, было выгодно, т. е. что насилие государственное было меньше насилия личностей друг над другом, то нельзя не видеть того, что такое преимущество государственности над отсутствием ее не могло быть постоянно. Чем более уменьшалось стремление к насилию личностей, чем более смягчались нравы, и чем более развращалась власть вследствие своей нестесненности, тем преимущество это становилось все меньше и меньше. В этом изменении отношения между нравственным развитием масс и развращенностью правительств и состоит вся история последних двух тысячелетий... Предположим, что нельзя доказать ни общей необходимости, ни общего вреда государства, но я знаю, что, с одной стороны, мне не нужно более государства, а с другой — я не могу совершать те дела, которые нужны для существования государства".

Свое учение Толстой называет христианством. Но его христианство не похоже на официальное христианство, возглавляемое папой римским и восточными патриархами. Христианство Толстого называется христианством только потому, что его основателем был Христос, которого Толстой считает обыкновенным человеком, а не Богом.

Официальное христианство всегда было (и теперь есть) опорою власти, ибо „всякая власть от Бога", как выразился ап. Павел. Христианство же, как его понимает Толстой, исключает власть, ибо власть нарушает принцип равенства.

„Христианство в его истинном значении, говорит Толстой, разрушает государство и отрицает правительство. Государство находится в противоречии с любовью... Учреждая господство, государство погрешает против вытекающей из закона любви сыновности людей Богу и равенства всех людей... Напрасно говорят, что учение христианства касается личного спасения, а не касается вопросов общегосударственных. Это только смелое и голословное утверждение. Для каждого искренне-

го и серьезного человека нашего времени не может быть очевидной несовместимость истинного христианства — учения смирения, прощения обид, любви — с государством, с его величием, насилиями, казнями и войнами... Поэтому государство должно быть отвергнуто, независимо от того, каково оно есть: самодержавное, монархическое, конвент, консульство, империя того или другого Наполеона или Буланже, конституционная монархия, коммуна или республика."

И дальше:

„Правительство есть собрание одних людей, насилующих других. Правительства в наше время — все правительства, самые деспотические так-же, как и либеральные — сделались тем, что так метко назвал Герцен, Чингис-Хан с телеграфами. Люди, обладающие властью, совершают насилия уже не во имя противодействия злу ,а во имя своей выгоды и прихоти... Те, которые захватывают и удерживают власть, никак не могут быть добрыми. Для того, чтобы захватить власть и удержать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется не с добротой, а с противоположными доброте качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью. Без увеличения себя и унижения других, без лицемерия, обманов, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни удержаться никакая власть. Даже как-то смешно говорить о властвующих христианах... К тому же обладание властью развращает людей. Властители не могут не злоупотреблять властью, не могут не ошалевать от такой безумной, страшной силы, как власть. Сколько ни придумывали разных средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинять общие интересы своим — все меры оказывались и оказываются недействительными. Все знают, что люди, находящиеся у власти — будь они императоры, министры, полицмейстеры, городовые — всегда, вследствие того, что они имеют власть, делаются более склонными и безнравственности, т. е. к подчинению общих интересов личным, чем люди, не имеющие власти... Пока что остается только одна область деятельности людей, не захваченная правительственной властью, — область семейная. Но и эта область теперь, благодаря борьбе социалистов и коммунистов, понемногу захватывается правительствами. Так что, если так будет продолжаться, то труд и отдых, помещение, одежда, пища людей, с течением времени будет определяться и назначаться правительством. Самая жестокая, ужасная шайка разбойников не так страшна, как страшна такая государственная организация. Всякий атаман разбойников все-таки ограничен тем, что люди, составляющие его шайку, удерживают хотя долю человеческой свободы и могут воспротивиться осовершению противных своей совести дел. Но для государства не существует таких преград".

Говорил это Толстой задолго до захвата власти большевиками в России. Но как все это подтверждается тем, что мы теперь видим в СССР! Действительно, атаман шайки разбойников не так страшен, как страшна абсолютная власть. У атамана шайки разбойников все-же есть какие-то ограничения, у абсолютной же власти никаких ограничений нет. Что хочет, то и делает. И не только сама делает, но и своих подданых заставляет делать то, что противно их совести и желаниям. И подданные должны делать, ибо в противном случае будут заклеймлены „врагами народа", „предателями" и т. п.

В то время, когда жил Толстой государственной собственности еще не было, а если и была, то в небольших размерах. Преобладала собственность частная. Поэтому, отрицая все, что противно христианству — жестокость, насилие и корыстолюбие — Толстой, вместе с тем отрицал и собственность, ибо считал, что она способствует развитию и процветанию дурных привычек среди людей. Люди, стремясь стать богатыми, применяют разные способы (в большинстве случаев плохие), для достижения своей цели, а те, кто уже богат, опять таки применяют разные способы для удержания за собой богатства. Поэтому собственность, если она и была когда-то чем-то таким, что давало возможность человеку свободно творить и жить, не боясь за завтрашний день, то теперь она стала в большинстве случаев яблоком раздора. Люди ссорятся в большинстве случаев из-за собственности; преступления совершаются в по-

давляющем большинстве из-за собственности; мошеничества разные и обманы — порождение собственности. Одним словом, собственность возвращает человека к первобытному состоянию, ставит его на уровень зверя, только и знающего то, что ему нужно рыскать за пищей. Но человек становится хуже зверя: зверь дерется из-за пищи только тогда, когда голоден, человек же дерется из-за богатства даже тогда, когда никакой голод ему не угрожает. Жадность не знает предела, собственность же порождает жадность.

Нечего и говорить, что собственность несовместима с христианством, как его понимал Толстой. Собственность — источник жадности, христианство же — идеал бескорыстия. Собственность делит людей на имущих и неимущих, что противоречит принципу равенства всех перед Богом, на котором (равенстве) и зиждется христианство. Собственность однако должна отвергаться и по другим соображениям.

„Богачи виноваты уже одним тем, говорит Толстой, что они богаты. Существование десятков тысяч голодных, зябнувших и глубоко униженных людей в Москве, тогда как я с другими тысячами об'едаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами, есть преступление. Я не перестану чувствовать себя участником постоянно совершающегося преступления до тех пор, пока у меня будет излишняя пища, а у другого совсем не будет, у меня будет две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной. ...Значение собственности в том, что бедный, не имеющий ее, находится в зависимости от богатого, обладающего собственностью; бедный, чтобы добыть себе вещи, необходимые ему, но принадлежащие другому, должен делать то, что пожелает этот другой, а именно: он должен работать на него... Мы все братья, а между тем каждое утро брат или сестра выносит мой горшок. Мы все братья, а мне утром необходима сигара, сахар, зеркало и т. п. предметы, на работе которых теряли и теряют здоровье мои равные братья и сестры. Я всю свою жизнь провожу так: ем, говорю и слушаю, опять ем и ложусь спать; и так каждый день, я другого ничего не делаю и не умею делать. И для того, чтобы я мог это делать, нужно, чтобы с утра до вечера работали дворник, мужик, кухарка, повар, лакей, кучер, прачка; не говорю уже о тех работах людей, которые нужны для того, чтобы эти кучера, повара, лакеи и прочие имели те орудия и предметы, которыми и над которыми они для меня работают — топоры, бочки, щетки, посуду, мебель, воск, ваксу, керосин, сено, дрова, говядину. И все эти люди тяжело работают целый день и кажный день для того, чтобы я мог говорить, есть и спать."

Но и это еще не все. Для того, чтобы одни могли об'едаться филеями и осетриной, а другие не иметь даже хлеба насущного в достаточном количестве, — нужно чтобы такой порядок кто-то оберегал и поддерживал, ибо немыслимо, чтобы такой порядок мог держаться сам собой, так сказать естественно.

„Нельзя нам притворяться, продолжает Толстой, и что мы не видим того городового, который с заряженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас в то время, как мы едим свой вкусный обед или смотрим новую пьесу, и про тех солдат, которые сейчас же в'едут с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность. Ведь мы знаем, что если мы доедим свой обед и досмотрим новую пьесу и довеселимся на бале, на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле в револьвере городового и в ружье солдата, которая пробьет голодное брюхо того обделенного, который из-за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же нарушит их, как только уйдет городовой с револьвером или не будет солдата в казармах, готового явиться по нашему первому зову."

Стало быть, блюстители порядка существуют не для того, чтобы оберегать человека подобно тому, как мать оберегает ребенка, а для того, чтобы оберегать несправедливый строй. Без них, без блюстителей порядка, несправедливый строй не мог бы существовать. Из кого же комплектуются эти блюстители порядка? Из тех же обделенных, которые из-за угла, облизываясь, смотрят, как богачи доедают свой вкусный обед. Одних влекут насильно (солдаты), а другие — городовые — идут добровольно на свою службу, так как это дает им возможность заработать несколь-

ко рублей, необходимых для поддержания своего и своей семьи существования.

Собственность, таким образом, порождает много пороков. Порочными являются те люди, которые сидят на шее других и сосут чужую кровь, т. е. богачи; порочными становятся и те, кто ради заработка идет в городовые или занимает другие сторожевые посты. Порок, в конце-концов, расходится по всем жилам общества. Не только богачи, но и бедняки заражаются стремлением к богатству. Мало найдется таких бедняков, которые не мечтали бы, что им, тем или иным путем, удастся разбогатеть. Стремление к обогащению ведет к тому, что обман и ложь на почве собственности практикуются не только между разными классами и сословиями, но и внутри этих классов и сословий. Бедняк начинает обманывать такого же бедняка, как сам, в надежде, что ему таким путем удастся скоро разбогатеть. Богач предается нескончаемой конкуренции с другим богачем. Одним словом, люди перестают быть людьми, а становятся жадными, завистливыми, корыстолюбивыми существами, т. е. антихристианами.

Христианство вытекает из принципа любви, а какая может быть любовь там, где царит жадность? Собственность, поэтому, должна быть отвергнута.

„Согласно закону любви, утверждает Толстой, каждый человек должен работать сообразно своим силам и должен иметь все то, в чем он нуждается, но не больше этого. Это вытекает из двух заповедей закона любви. Первая из этих заповедей гласит, что человек не должен требовать труда от других, а, наоборот, свой труд посвящать на благо других... Вторая заповедь гласит: делись тем, что у тебя есть. Иоанн Креститель на вопрос людей, что им делать, отвечал просто, коротко и ясно: у кого две одежды — дай тому, у кого нет, у кого есть пища — дай тому, кто ее не имеет. То же, но с еще большей ясностью и много раз говорил Христос. Он говорил, что нельзя служить Богу и мамоне и запретил ученикам своим брать не только деньги, но и две одежды. Он сказал богатому юноше, что он не может попасть в царство божее только потому, что он богат, ибо легче верблюду войти в ушко иглы, чем богатому в царство божее."

Христианство и богатство, как видно, — понятия несовместные.

„Кредо" Толстого, быть может, лучше всего выражено в следующих его словах, написанных 4-го апреля 1901 года, когда Толстой отвечал синоду поповоду отлучения его от церкви.

„Верю я, говорит Толстой, в следующее: верю в Бога, которого понимаю, как Дух, как Любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться — считаю величайшим концунством. Верю в то, что истинное благо человека — в исполнении воли Бога, воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними... Верю в то, что смысл жизни каждого человека только в увеличении в себе любви и что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, т. е. такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собой.

В этих словах весь Толстой: его христианство, его понимание Бога, его анархизм. Бога, как чего-то обособленного, живущего отдельно от людей где-то на небесах, у Толстого нет. Бог Толстого — внутри нас. Это — наш разум, наши чувства, наша совесть. Воля Бога, по словам Толстого, сводится к тому, чтобы люди жили, как братья. Стало быть, анархизм вытекает из воли Бога. Но принимая во внимание неоднократные заявления Толстого, что „Бог во мне и я в Нем", следует согласиться, что то, что Толстой называет волей Бога, является его, Толстого, волей. Толстой прозрел, исцелился от массового недуга, стал новым человеком и устремился к новым горизонтам. Едва-ли это про-

изошло по воле Бога. Думается, что Бог тут — лишь прикрытие.

Конечные цели Толстого и конечные цели других анархистов вполне совпадают. Расхождения могут быть лишь в области тактики. Анархисты, как известно, в большинстве случаев не отрицают применения силы, Толстой же — сторонник непротивления злу насилием. Здесь как будто противоположные полюсы. Огонь и вода. Но это только на первых порах. Во-первых, никто из анархистов не откажется от осуществления анархизма мирным путем, если к этому есть возможность, во-вторых, Толстой не такой уж „непротивленец", как это иногда кажется. Настоящим „непротивленцем" может быть только тот, кто только констатирует ход общественных событий, но сам в этот ход не вмешивается. Толстой не был таким человеком. Он вмешивался в ход событий, даже иногда очень активно.

О том, что Толстой не был пассивным зрителем свидетельствует последний акт в его жизни — уход из дому. Толстой не мог мириться с окружающими условиями. Ему хотелось, чтобы его идеи воспринимались другими, торжествовали, расширялись, и так как в своих желаниях и стремлениях он сразу же, в своем же семейном кругу, наталкивался на препятствия, то ему и пришлось уйти из дому. Это уже не пассивность. Это — борьба, самая активная борьба. Победителем борьбы Толстой не вышел, но он боролся до последней возможности.

Стало быть, Толстой такой же борец, как и другие анархисты. Свои идеи он проводил в жизнь весьма настойчиво, весьма активно. Он бросил все — и дом, и семью — и ушел в неизвестность, — только потому, что в семейному кругу его идеям не было хода. В этом смысле Толстой настоящий анархист. Он борец за свои идеи. *К.*

ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ.

Чикаго, Илиной: Лагота — 1 дол., Волков — 6 д., С. Репиха — 1 до., от Читателя — 10 д., Качула — 5 д., Козел — 2 д., Комов — 5 д., Волков — 10 д., Олга Максимов — 10 д., *Гонолулу,* М. Тараненкова — 5 д., *Ист Бронсвик,* Ф. Чернове — 10 д., *Ватербури, Кон.,* Д. Безув — 5 д., *Ганфилд, Мд.,* Кунавич — 6 д., *Виндзор, Канада,* Черный — 10 д., *Акрон, Охайо:* Ф. Бурдыко — 5 д., *Нью Гейвен, Кон.:* Рапецкий — 10 д., *Хемстед,* Ра-ха — 10 д., *Майями, Флор.:* Т. Коваль — 5 д., Т. Персов — 2 д., *Лос Анжелес, Каліф.,* Д. Атрик — 10 д., *Юнгставн, Охайо:* Медынич — 10 д., Семенос — 5 д., От пикника — 19 д., *Бруклин, Н. И.:* Е. Мацигуд — 5 д., *Кансас Сити, Кан.:* С. Горелик — 10 д., *Торонто, Кан.:* П. Гронский — 5 д., Н. Шабан — 5 д., *Детройт, Мич.:* Павлов — 20 д., Черный — 25 д., С. Евдостов — 20 д., А. С. — 10 д., М. В. — 10 д., К. К. — 10 д., П. К. — 10 д., И. У. — 3 д., *Сан Франциско:* Н. Г. — 10 д., *Сант Луис:* Хведченя — 10 д. 50 с., М. Радивончик — 5 д., С. Тюшкевич — 5 д., *Гонолулу, Гаваи:* М. Тараненкова — 10 д., *Нуварк, Нью Джерзи:* А. С. — 5 д., *Саус Сте Мария, Канада:* И. Бондар — 5 д., *Абердин, Савт Дакота:* А. Русек — 5 д., *Флошинг, Н. И.:* А. Канадюк — 5 д., *Поланд, Охайо:* С. Медынич — 10 д., И. Бурдыко — 5 д., *Нью Иорк, Н. И.:* И. Фрагер — 5 д., Зеленюк — 5 д., А. Громм — 10 д.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ВОЙНА

"Есть такие заблуждения, которые нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такие знания, которые его просветят: тогда заблуждение исчезнет само собой." КАНТ

"Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его по одиночке, именуется добродетелью, если делается в массе." КИПРИАН

"Наступит время, когда народы поймут безумие войны." РИШЕ

Надо ли распространяться об отношении к войне того, для которого жизнь каждого живого творения была неприкосновенна, священна и чтима, как часть вечного существа, — того, кто был убежден

и других убеждал, что пролитая "кровь к душе липнет," — того Льва Николаевича Толстого, который под влиянием массовых казней в пароксизме еще небывалого негодования крикнул насильникам свое бессмертное: "Не могу молчать."

Если Л. Н. органически претило пролитие даже одной капли крови, то не трудно представить себе, какой острой, жгучей пытке подвергалась его чуткая и глубокая душа во время войны, этого безбрежного кровопролития, когда случается, что земля уже не в состоянии впитать льющуюся на нее кровь, а реки, становясь красными от той же крови, выходят из берегов от обилия несущихся по ним трупов.

Однако, для живых свидетелей наших дней, все еще дышащих испарениями крови, не столько важны суб'ективные переживания Л. Н. во время процесса массового самоистребления народов — переживания, перед которыми можно только благоговеть, — сколько для нас важно и неизмеримо более ценно проникнуться идеологией Толстого о войне. Как и все у Л. Н., мысли его о войне отличаются чрезвычайной простотой, ясностью и проникновенностью. Можно с ним соглашаться или не соглашаться, принять их или отвергнуть, но нельзя им противопоставить логически обоснованные возражения.

О том, что такое война по своей внешней форме, Л. Н. вполне разделяет приводимое им мнение Мопассана, который, возражая "гениальному убийце" Мольтке, пишет:

> "Собираться стадами в 400 тысяч человек, ходить без отдыха день и ночь, ни о чем не думая, живя, как скот, в постоянном одурении, грабя города, сжигая деревни, разоряя народы, потом, встретясь с такими же скоплениями человеческого мяса, наброситься на него, пролить реки крови, устлать поля разможжеными, смешанными с грязью и кровавой землей телами, лишиться рук, ног, с разможженной головой — без всякой пользы для кого бы то ни было, издохнуть где-нибудь на меже, — в то время как ваши старики, ваша жена и ваши дети умирают с голода, — это значит — не впадать в самый грубый материализм..."

Самоочевидно, что Л. Н. не столько занимала внешняя обстановка войны со всеми ее капризными атрибутами, сколько приковывала к себе его ум сама природа, сама сущность войны. В этом отношении заслуживает глубокого изумления тот факт, что Л. Н. открыл в войне то, чего до него никто никогда не замечал, даже те люди, которые по роду своей специальности, т. е. психиатры и психологы — казалось бы, обязаны были заметить, именно, что война, как и вооруженный мир — это "ужасная болезнь."

> "Болезнь эта — по словам Л. Н. — в том, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди с вложенными в их сердце любовью, жалостью к людям, совершают — люди над людьми — ужасающие жестокости, сами не зная, зачем и для чего. Наши русские люди, кроткие, добрые, все проникнутые духом учения Христа, люди кающиеся в душе о том, что словом оскорбляли людей, что не поделились последним с ними и не пожалели заключенных, эти люди проводят лучшую пору жизни в убийстве и мучительстве своих братьев и не только не каются в этих делах, но считают эти дела или доблестью, или, по крайней мере, необходимостью, такою же неизбежною, как пища и дыхание. Разве это не ужасная болезнь?"

В другом месте Л. Н. говорит:

> "Нет тех ужасов, которые не совершил бы человек, решивший в своей душе, что то, что он делает, есть стихийное, не зависящее от его воли, явление. Такой человек больной: его надо остерегаться и лечить. Также надо остерегаться и лечить тех, которые говорят про войну, что это стихийное явление."

Установивши факт патологической природы войны, Л. Н. с присущим ему, острым как нож, психоанализом доходит и до первопричины войны. По твердому убеждению Л. Н., глубоко скрытые от нас корни войны, как и ее предтечи — милитаризма, лежат в извращенном воспитании общества, в его психическом одурманивании и его психической инфекции. Среди этих причин войны первенствующее место Л. Н. отводит фактору массового внушения:

> "Ни в каком из поступков людей — говорит Л. Н. — не видна с такой ясностью сила внушения, как на войне. Люди, миллионы людей, делают с восторгом, с гордостью дело, признаваемое ими всеми глупым, гадким, вредным, опасным, разорительным, злодейским и ни на что не нужным, знают и повторяют все доводы против этого дела и продолжают делать его."

Самый же процесс культивирования милитаризма и его детища войны, при помощи гипнотизации масс, Л. Н. изображает следующим образом:

"Четвертое средство состоит в том, чтобы посредством трех предшествующих средств (устрашения, подкупа и общей гипнотизации народа) выделять из всех, таким образом закованых и одуренных людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особенным усиленным способам одурения и озверения, сделать из них безвольные орудия всех тех жестокостей и зверств, которые понадобятся правительству. Достигается это одурение и озверение тем, что людей этих берут в том юношеском возрасте, когда в людях не успели еще твердо сложиться какие-либо ясные понятия о нравственности, и, удалив их от всех естественных человеческих условий жизни: дома, семьи, родины, разумного труда, запирают вместе в казармы, наряжают в особенное платье и заставляют их при воздействии криков, барабанов, музыки, блестящих предметов, ежедневно делать известные, придуманные для этого, движения и этими способами приводят их в такое состояние, при котором они уже перестают быть людьми, а становятся бессмысленными, покорными гипнотизатору машинами. Эти-то загипнотизированные, физически сильные, молодые люди (теперь при общей воинской повинности все молодые люди), снабженные орудиями убийства, всегда покорные власти правительств и готовые, по его приказанию, на всякое насилие, и сооставляют четвертое и главное средство порабощения людей."

Относясь к войне, как к самой злокачественной болезни души народа, вскрывая причины этой болезни, Л. Н., естественно на этом не успокаивается и ищет пути и способы к уничтожению войны:

"Для того, — говорит Л. Н. — чтобы не было угнетения народов и ненужных войн и чтобы никто не возмущался на тех, кто кажутся виновниками их, не убивая их, — надо, казалось бы, очень мало, а именно, только то, чтобы люди понимали вещи, как они есть, и называли их настоящими именами, знали бы, что войско есть орудие убийства и собирание и управление войском, — то самое, чем с такой самоуверенностью занимаются короли, императоры и президенты, есть приготовление к убийству."

В действительности же этого нет и люди продолжают оставаться душевно слепыми относительно милитаризма и войны; от того болезнь эта и не проходит, и не пройдет, и не может пройти, пока мы не признаем себя больными:

"Для того, чтобы излечить болезнь, — говорит Л. Н., — надо, прежде всего, признать ее, а этого-то мы и не делаем. Не только не делаем, но и все усилия наши употребляем на то, чтобы не называть ее. Болезнь и не проходит, а только видоизменяется, в'едается глубже в плоть, в кровь, в кости, в мозг костей."

Следовательно, прежде всего необходимо, чтобы коллективный разум человека осознал войну, как болезнь; только при этом условии и представляется возможным освободить человечество от войны и военщины.

Лев Николаевич предлагает два метода лечения этой болезни, оба одинаково простые, как и радикальные. Первый зиждется на сохранении в абсолютной чистоте твоей совести, второй — в сохранении ясности разума. "Не убий" — это для Л. Н. альфа и омега в борьбе с войной, то — тот нравственный постулат, которого он никому не позволяет — ни иезуитским блудословием, ни кощунственными софизмами, ни фарисейским наваждением — ни извращать, ни затемнять, ни грязнить. Если люди органически срастутся с этой аксиомой нравственности, т. е. если люди откажутся бессмысленно убивать друг друга, то война умрет своей естественной смертью. С другой же стороны, война воплощает в себе не только извращение нравственности, но и извращение умов. Существует войско, военные издержки, надо об'яснить это, военные издержки, нельзя, а потому извращается разум:

"Медведей — говорит Л. Н. — убивают тем, что на корыте меда вешают на веревке тяжелую колоду. Медведь отталкивает колоду, чтобы есть мед. Колода возвращается и ударяет его. Медведь сердится и сильнее толкает колоду, она сильнее бьет его. И это продолжается до тех пор, пока колода не убивает медведя. Неужели люди не могут быть разумнее медведя?"

Поэтому, ради сохранения интактным аппарата критики, Л. Н. требует, чтобы общество и школа не отравляли мозга юного поколения бредовыми идеями нелепого милитаризма, гнусного шовинизма и лже-патриотизма. Л. Н. принадлежал к числу тех, кто борется с войной одной только теорией, одними только фразами. Достаточно ознакомиться с его: "Не убий," "Письмо к фельдфебелю," "Офицерская памятка," "Солдатская памятка," "Война и военщина," "Одумайтесь!", "Как уничтожить войну" и т. д., что бы понять, что в лице Л. Н. пацифизм имел самого активного пропагандиста мира, который своим

огненным словом обжигал гнилостную совесть людей для предупреждения возможности войны. Такова была идеология, таков был характер Л. Н., как врага войны и апостола мира. Здесь невольно напрашивается одно сравнение. Как, в сущности, ничтожны всякие адвокаты войны, начиная с "гениального убийцы" Мольтке и кончая его единомышленниками, как Жозеф Местр, Вогюз, Бренетьер, Бернгарди, фон Штейнмец.

"Война, — говорит Мольтке, этот лидер европейских каннибалов, — свята, божественное учреждение, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость, — одним словом, спасает людей от отвратительного материализма."

Какая пропасть зияет между безсмертно-подлой идеологией этого пигмея духа и кристально-чистой моралью великого учителя Толстого!

Чем же ознаменовать посмертную память об этом гениальном из гениальных человеке, — память о том, кто, как никто, разрешил труднейшую проблему войны и мира, и кто оставил нам еще непревзойденный шедевр слова: "Войну и Мир"?— На наш взгляд, в настоящий глубокоисторический момент, когда в великих муках зарождается новая жизнь, нет и не может быть более достойного Л. Н. способа чествования его памяти, как всем духом и помыслами стремиться к тому, чтобы на тех братских могилах, которыми сейчас испещрена вся оболочка нашей планеты, чтобы на этих могилах зародилось братство людей, браттство народов. Пусть на костях павших от военного безумия людей будет воздвигнут храг вечного мира.

Да осуществится, наконец, заветная мечта Толстого!

А. Левин

ТОЛСТОЙ И ХРИСТИАНСТВО

В ноябре месяце этого года исполнится*) пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя и религиозного мыслителя, Льва Николаевича Толстого. В Советском Союзе, как и заграницей, печать отметит дату его смерти и воздаст соответствующую хвалу художественному гению великого писателя. Но мы не сомневаемся в том, что советская печать, а также и русская печать заграницей, обойдут молчанием, Толстого-вероучителя, Толстого религиозного мыслителя и критика православной церкви.

Толстой-мыслитель пришелся не ко двору в Советском Союзе. Государственное издательство многократно издавало и переиздавало художественные произведения писателя, но избегало выпускать отдельным изданием его книги и статьи, посвященные религиозно-общественным вопросам. И только теперь, после сорокалетнего молчания, советская печать впервые публикует стотомное полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, куда входит все написанное Толстым. А количество статей, памфлетов и книг, посвященных Толстым религиозным и общественным вопросам, достигает более ста. Этот большой материал, отражающий миросозерцание Толстого, к сожалению, до сих пор не систематизирован. При жизни яснополянского мудреца этому мешала существовавшая цензура, и некоторые его статьи печатались только заграницей. Теперь, при советском режиме, Толстой-мыслитель тоже не пользуется покровительством власти.

Русская печать заграницей, хотя и свободная, но будучи тесно связанной с церковными кругами, будет замалчивать "отлученного от церкви" Толстого, как этически религиозного мыслителя с его этически христианским определением религии и ея назначения в повседневной жизни человека. Это послужит лишним доказательством потери интереса к проблемам нравственности и свидетельством о снижении духовного уровня среди представителей нашей духовной элиты. Одна из главных заслуг Толстого заключается именно в том, что он сделал в свое время великое дело, выдвинув на первый план в своих художественных и религиозно-философских произведениях, глубочайшие стороны

*) Статья эта была написана в сентябрье месяце с. г. — **Ред.**

внутренней жизни и веры человека.

Мы можем не разделять его учения, частично или целиком отвергать его, но умалчивать в дни юбилея религиозно-философские проблемы, поставленные Толстым на суд общественности, это значит снижать его великую моральную ценность или совсем не понимать Толстого.

Толстой и Бог

В одном из своих ранних произведений — "В чем моя вера?" — Л. Н. Толстой пишет: "Я прожил на свете 55 лет, и, за исключением 14 и 15 детских, 35 лет я прожил нигилистом в настоящем значении этого слова, т. е. не социалистом и революционером, как обыкновенно понимают это слово, а нигилистом в смысле отсутствия всякой веры." Это был атеистический период в жизни Толстого до момента, когда он пересмотрел Евангелие, сделал его новый перевод с соответствующими об'яснениями. Он поверил в учение Христа и жизнь его переменилась.

Говорят, что Толстой "безбожник." Это верно, только частично. Толстой, действительно, не признает существование живого Бога. Он отвергает, как личность, Бога, который из ничего, шесть тысяч лет тому назад, сотворил мир, "небо и землю," потоп, ковчег Ноя, который создал человека "по своему образу и подобию," т. е. старозаветного библейского Бога, воспринятого христианским миром по наследству от еврейской библейской мифологии и пророков.

Для Толстого Бог не есть личность — хотя бы и высшего порядка, — ибо всякая личность, по Толстому, уже есть ограничение. Бог безпределен. "Про Бога, пишет Толстой, можно только сказать, что он один, не в понятии числа (1—в значении числа), а в том смысле, что он одноценен, что он не понятие, а существо, то, что православные называют живым Богом в противоположность Богу пантеистическому, т. е. высшее существо, духовное, живущее во всем. Узнать Бога нельзя по рассказам о нем. Узнать его можно только тем, чтобы исполнить закон его, тот закон, который знает сердце всякого человека."

В одном из своих писем, желая углубить вопрос о понятии Бога, Толстой отвечает своему корреспонденту так: "Вы говорите, что я как будто не признаю Бога. Тут недоразумение. Я ничего не признаю, кроме Бога. Я, кажется, писал, да и говорил вам мое определение Бога, которое я бы дал теперь на вопрос, что такое Бог? — Бог — это то все, безконечное все, чего я сознаю себя частью. И поэтому все во мне граничит с Богом, и я чувствую его во всем. И это вовсе не фраза, а это то, чем я живу." И дальше, на вопрос: "Что такое Бог?" и "Зачем Бог?"—Толстой отвечает: — "Бог — это неограниченное все то, что я знаю в себе, ограниченном. Я — тело ограниченное, Бог тело безконечное. Я — часть, он — все. Я — существо, любящее иногда немного, Бог — существо, любящее безконечно."

Толстой считает, что то понятие о Боге, которое воспринято нашей православной церковью, как о творце мира из ничего, является ни чем иным как простым суеверием. Если предположить, что Бог творец, то следовательно он допускает страдание и зло. "А если Бог делает зло, то он недобрый, не любовь. А если он недобрый, то его нет."

Раз Бог, по Толстому, пантеистичен, то он не предмет, не существо и не личность. Он недоступен познанию. Он — Дух, проявление которого живет в человеке, и который может быть доступен только человеческому сознанию. Всякая попытка иного определения Бога, по Толстому, есть кощунство.

Толстой и церковь

Расхождение Толстого с православной церковью наметилось не только по вопросу о понятии и сущности Бога, но и по вопросу о сущности веры, религии и назначении христианства в человеческой жизни.

Толстой считает, что религия присуща каждому человеку, но она не есть поклонение божествам, вызываемое суеверным страхом пред неведомыми силами природы, а нечто совершенно независимое от страха и от степени культурного уровня человека. "Истинная религия, говорит Тол-

стой, есть такое, согласное с разумом и знаниями человека, установленное им отношение к окружающей его безконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой безконечностью и руководит его поступками." По учению Толстого, всякая религия — это только ответ на вопрос: как человеку жить не только пред людьми, а перед той силой, которая послала его в мир? Отсюда и понятие о вере, как знании того, что такое человек, и для чего он живет на свете, что он должен и чего не должен делать. "Истинная вера, говорит Толстой, не в том, чтобы верить в чудеса, в таинства, в обряды, а в том чтобы верить в один такой закон, который годиться для всех людей мира." Будучи весьма далеким от православной церкви и ея обрядности, Толстой писал: "Если человек хочет угодить Богу молитвами, обрядами, то это значит, что он хочет обмануть Бога. Но Бога нельзя обмануть, обманешь только себя. Если человек держится веры только потому, что за исполнение веры ожидает в будущем всяких внешних благ, то это не вера, а расчет и расчет всегда неверный. Истинная вера дает благо, только в настоящем, а не дает и не может дать никаких внешних благ в будущем."

В своем капитальном труде, "Критика догматического богословия," Толстой с большой убедительностью и силой, подверг безпощадной критике православное богословие и церковное учение. Он, не стесняясь ни общественного, ни церковного мнения, назвал "Обманом веры" все то, чему поклоняется и что признает за божественную истину православная церковь. Мы вкратце остановимся на тех пяти приемах обмана веры, которые так убедительно и подорбно разобраны Толстым в его книге "Христианское учение."

Первый прием обмана состоит в том, что проповедники религии признаются церковью святыми и сверхестесттвенными лицами, способными творить несуществующие чудеса.

Второй прием обмана — то, что людям внушается верить не разуму, а чудесам, т. е. тому, что противно разуму. По церковному учению, разум есть грех гордости, а откровения божественной истины передаются избранным людям при известных знамениях и чудесах, т. е. при помощи сверх'естественных событий.

Третий прием обмана — то, что для общения с Богом необходим посредник, или посредники, вроде духовенства, святых старцев и пр. Христос признал человека сыном Божиим, и обращаться к Богу человек может непосредственно, минуя посредников. Вера в посредников — есть обман веры.

Четвертый прием обмана веры состоит в том, что под предлогом совершения требуемых будто бы Богом дел: молитв, таинств, жертв, и пр., собирают людей и подвергают их различным одуряющим воздейтвиям церковной службы. Поражают людей красотой и величием храмов, утварью, одеждами, блеском освещения, звуками пения, представлениями и пр., и в то время, когда люди находятся под этим обаянием, внушают им ложь, выдаваемую за истину.

Пятый прием обмана веры — самый жестокий. Он состоит в том, что ребенку с самых молодых лет внушается церковными наставниками то, что думали люди жившие тысячу лет тому назад, зная в глубине души, что это только суеверие, и никто из взрослых уже не верит и не может в это верить.

Обман веры человечеству внушается с самого детства. Вот почему большинство христиан лишено способности ясного и твердого мышления. Для того, чтобы освободиться от обмана веры вообще, Толстой говорит: "Человеку надо понимать и помнить, что единственное орудие познания, которым он владеет, есть его разум, и поэтому всякая проповедь, утверждающая, что либо противное разуму, есть обман. Справедливо только то, что не противоречит разуму."

Православная церковь постоянно утверждает, что только она может соединить всех воедино и быть главной посредницей между людьмы и Богом. Такое утверждение Толстой находит несправедливым и далеко не соответствующим действительности. "Церкви не только никогда не соединяли, — замечает Толстой, — но были одной из главных причин раз'единения людей, ненависти друг к другу, войн, побо-

ищ, инквизиций, Варфоломеевских ночей и тому подобное".

Толстой непрестанно упрекает православную церковь в том, что она преподносит людям весьма сложный обряд богослужения, проповедует недоступные человеческому разуму тайны небесной жизни, но не дает людям никакого религиозного знания и учения о земной жизни.

Только недавно были опубликованы афоризмы Толстого, из'ятые в свое время по цензурным условиям из его книги "Круг чтения."

Эти краткие афоризмы ярко свидетельствуют о мысли Толстого и как бы подводят итоги его отношения к православной церкви и ее обрядности.

От 25-го марта. — "Церковь есть ни что иное, как произвольное утверждение святости и непогрешимости тех людей, которые называют себя церковью. Чем неразумнее, вреднее учреждение, тем большим внешним величием оно обставляется, — иначе оно не могло бы привлечь никого. Такова церковь. Торжественность и внешний блеск церковных обрядов суть главные признаки ее неразумности и вредности. Церковь — главная виновница развращения людей; что велико перед людьми, то мерзко перед Богом."

Толстой, со своим мировым именем, был недосягаем не только для церковной власти, но и для царского правительства, для которого посягательство на Толстого было бы весьма рискованным делом. Цензура уродовала произведения писателя, но они свободно издавались заграницей и расходились по всей России, переписанные или отпечатанные на гектографе.

Народ интересовался религиозным и анти-церковным учением Толстого; прислушивался к голосу писателя и вскоре вся Россия была покрыта сетью самовозросшихся рационалистических сект.

В поисках истинно христианской веры народ уходил из под церковной православной опеки, и под видом евангелистов, штундистов, баптистов, духоборов и пр., стал пополнять свое религиозное самосознание, пользуясь учением Толстого о понимании религии, о назначении и применении в жизни учения Хрста.

Православной церкви не было выгодно или полезно входить с Толстым в полемику, она избегала открытой аргументации против учения Толстого, ибо опасалась толстовской правды, которая могла принести церкви и православию только ущерб. Оставался только один выход: наказать или дисциплинировать Толстого. Его отлучили от церкви специальным постановлением Священного Синода. Текст отлучения от церкви и ответ Св. Синоду Толстого получили широкую огласку в русской и иностранной печати, и имя нашего писателя покрылось величественной славой, как борца за свет и правду, мужесттвенно выступившего на борьбу с религиозным обманом с церковным православием во имя истинного учения Христа.

Ниже приводим отрывок из постановления Синода об отлучении Толстого от церкви.

> Церковь Христова терпела хулы и нападки от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях... Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть церкви святой... И в наши дни, Божиим попущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой, известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению... Граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа... и посвятил свою литературную деятельность... на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах... он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живого Бога... отрицает Господа Иисуса Христа... отрицает бессеменное зачатие Христа... и девство... Приснодевы Марии... не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства цекври.. и святую Евхаристию... Посему церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается... Ныне о сем свидетельствуем перед всей церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особенно же к вразумлению самого графа Толстого..."

Постановление подписано тремя митрополитами (С.-Петербургским, Московским и Киевским), одним архиепископом и тремя епископами. Полный текст постановления Синода об оттлучении Толстого от церкви и ответ Толстого Синоду издан отдельной брошюрой, которую желающие

могут получить, прислав 50 сентов по моему адресу: 660 Риверсайд Драйв, Нью Иорк 31, Н. И.

А. И. Чернов

Накануне

(Маленький отрывок)

Мне кажется — будто я сижу и чувствую движение соков, тянущихся тонкими струйками по мочкам и корням к стволу, ветвям и почкам.

Я чувствую, как земля внизу, оттаивая, несет свои пары кверху и дышит и вздыхает, как вздыхает человек после долгого, тяжелого сна.

Близка уже жизнь иная. В людях проснулась жажда обновления, — и к новой жизни они идут, как текут ручьи с гор после весенней ростали. И не говорите, что ведь было же христианство 2,000 лет тому назад, и люди слышали о нем и знали, а в жизнь не претворили, — не говорите. Христианство пришло в жизнь так же, как сеют озимый хлеб. Было брошено семя на вспаханную почву, семя взошло, поле покрылось зеленым ковром и радовало глаз. Но скоро дохнула зима, и белый саван застлал зеленую ниву и скрыл ростки. Наступила долгая зима.

Пошли века суеверий, рабства, угнетения духа. Замерло христианство и властный призыв его к жизни заглох под грудою уставности, догматизма и гонений на слово. Но все до времени.

Саван смерти свился и исчез в синеве утра и люди, как встарь, чуют соки жизни и тянутся к свету, к добру. И вот-вот заколышется нива тучным колосом любви и мира. Радостная пора обильной жатвы уже виднеется впереди.

Надо быть слепым и глухим, чтобы не видеть и не слышать зарождающегося нового сознания среди людей. Мы не чутки, мы оглушены. А жизнь загорается новым, сильным светом и не только у нас, в маленькой, отмежеванной войнами части земли, но и на всем большом просторе мира идет немолчное и страстное стремление к новой жизни без всякого насилия, без всяких регламентов и указов, порабощающих людей духовно и телесно.

Уже дополнена мера отцов и дух людей истолковался о другом...

И это другое уже наступает и рождению этого другого мы должны посвятить свои силы.

Я близок к смерти и мне нет надобности что-нибудь скрывать из своих мыслей и я говорю вам: мы живем в великий канун.

Я полон предчувствия о пришествии новой жизни — радостной, трудовой, счастливой, в любви, совете, мире...

И жизнь эта потоком зальет ручей мелкой политики, как заливают вешние воды мелкие ручейки, лощины, поглощая и унося их с собой в реки, в моря, в океаны...

Л. Н. Толстой

ЗАКОН ВНЕШНИЙ И ЗАКОН ВНУТРЕННИЙ

Человек развивается в эволюционном порядке. Тысячелетия проходят прежде, чем человечество завоюет себе новые формы жизни, рождающиеся в болезнях, требующих неисчислимого количества жертв.

На пути человеческого развития стоят две силы: добро и зло.

Зло, даже в теперешней стадии человеческого развития, преобладает над добром.

Спрашивается: почему зло преобладает в человеческих взаимоотношениях над добром, хотя каждому известно, что путь духовного прогресса проходит через борьбу доброго начала со злым?

Путь добра, развивающего человеческую личность и делающего ее наиболее совершенной, проходит через жертвенное служение, т. е. на этом пути человек постоянно должен помнить, что в его взаимоотношениях с людьми, должна господствовать уступчивость. Он не должен защищать и умножать свои эгоистические потребности, а, наоборот, ежечасно, ежеминутно должен помнить и должен быть готовым не только на словах, но и на деле к ограничению своих потребностей на общее благо.

Данный путь многотруден и тернист, но он естествен, а потому и верен в смысле дальнейшего совершенствования человеческой личности.

Путь зла ближе человеку; с этим путем легко уживаются человеческие потребности, ибо этот путь не требует от человека жертв, наоборот, жертвы требуются от другого лица, этот путь освящается девизом: "цель оправдывает средства."

Это значит, что если человеком или какой либо организацией намечена определенная цель и твердо принято решение к ее достижению, то путь и средства, при помощи которых происходит достижение цели, только наилучшим образом обдумываются, но не оцениваются с точки зрения того зла, которое будет причинено одному или многим людям.

При таком способе реализации намеченной цели, не думают о том, сколько горя, слез и крови, сколько человеческих трупов украсят путь достижения цели, сколько обездоленных, осиротевших, голодных и искалеченных людей, бряцая кандалами, будут украшать триумфальный путь победителей.

Об этом не думают потому, что вдохновитель победителей лично не приносит жертв. Он лишь пользуется трофеями, он лишь упивается властью, богатством, почестями, славой, независимо от того, что эти ценности обильно политы слезами и кровью.

Следовательно, требовать жертв от других значительно проще, легче и выгоднее, чем руководствоваться на жизненном пути принесением личных жертв, клонящихся к самоограничению, к завоеванию общественного блага.

Вот почему путь зла легче, общедоступнее и обаятельнее для человечества, путь же жертвы, не расцвечивается цветами славы, почестей, богатства и славы. Путь добра знает, что вышеназванные ценности являются временными, преходящими, добродетели-же, украшающие человечество и покоящиеся на проявлениях любви, жертвы и самоограничения, — вечны, а следовательно они и истинны, а потому и путь добродетели является естественным, истинным в отличие от пути зла — искусственного, теоретического.

Вышеприведенные мотивы понуждают нас высказать общее положение, клонящееся к тому, что в эволюционном порядке развивается и внешняя форма человека, благодаря чему мы легко отличаем по внешнему виду интеллигента от неграмотного. В эволюционном порядке развиваются и психические способности человека, ибо по уму люди так же отличаются друг от друга, как и по внешней форме.

Физическая и психическая сущности, проникая друг друга, создают личность с ее потребностями, регулирующей базой которых является понятие о добре и зле. В зависимости от развития физической формы и присущего ей духовного содержания человек все больше и больше удаляется от пути зла, переходя на стезю добра, и наконец он вполне утверждается на последнем пути. Данный эволюционный путь отражается не только на индивидуальной личности, но и на взаимоотношениях человеческих сочетаний.

Путь добра есть путь развития закона внутреннего, руководимого совестью.

Совесть человеческая, будучи развита в достаточной степени, руководит человеческими поступками, создавая поведение, по которому люди различатся так же, как и по внешней форме.

В основе закона внутреннего лежит аксиома: "не желай другому того, чего себе не желаешь."

Данная формула, являющаяся истиной, ведущей человека к самосовершенствованию, не может быть изжита человечеством, она будет всегда вести его все к большим и большим высотам духовного развития.

Нам приходится выдвигать духовное развитие не ради каприза, не ради спора, а для того, чтобы этим подчеркнуть, что мы принимаем его как неизбежность, как истину для лица или целой группы, идущих по пути анархического завоевания.

Если анархист сознательно и всецело отдается безвластию, то он должен проверить себя и твердо решить, чем он будет руководствоваться в своих поступках, каким примером он будет служить человечеству, каким пламенем будет гореть его сердце в человеческих взаимоотношениях.

Если анархист не овладел формулой: "не желай другому того, чего себе не желаешь," то он още не анархист, ибо он внут-

ренно не созрел до того, чтобы обходиться без принудительной внешней власти. Его внутренний контроль, оценка и моральная сдержанность не выросли, не окрепли в достаточной степени. Его совесть не подчинила своему влиянию низменные потребности человеческой личности. Его сердце не испепелило влечение к власти, почестям, богатсттву и славе.

Если власть, почести, богатство и слава являются для человека властными ценностями, полонящими его дух, то как-же он может уклониться от власти внешнего закона?

Такой человек не анархист, ибо он уклоняется от внешнего закона лишь потому, что беззаконие дает ему возможность более широко и грубо проявлять необузданность своих инстинктов, более ярко реализировать свое моральное падение.

Тогда чему-же он научит своих последователей?

Такой человек научит своих последователей множить человеческие несчастья, сопровождающиеся плачем и скрежетом зубов.

Но разве мало слез и стенаний в жизни, разве мало раздетых, холодных и голодных, разве нужно еще увеличивать человеческие страдания?

Думается, на поставленные вопросы можно дать только отрицательный ответ.

Если человек становится на борьбу за человеческое счастье, то он прежде всего должен порвать связь с приемами, причиняющими другим страдание, он прежде всего должен выяснить в отношении себя готовность не только сдерживаться, но навсегда отказаться от причинения другому лицу простых неприятностей, а не только страданий.

Достигнуть такого совершенствования нельзя, пользуясь законом внешним, лишь закон внутренний, голос совести в состоянии вывести человечество из роли страдания.

При неокрепшем внутреннем законе, когда человек очень часто в своих поступках руководствуется указаниями зла, когда контроль его совести не достаточно активирован, тогда вырабатывается потребность к самоограничению при помощи закона внешнего, выливающегося в юридические нормы, имеющие принудительный характер.

В этот период человек живет еще в рабстве.

Рабство человека есть побуждение внутренние, исходящее из его эгоистических потребностей, базирующихся на выявлении зла.

Зло есть противник добра, туман для разума, угнетатель человеческой совести; оно имеет также притязание на добродетель и потому одурманивает людей при помощи закона внешнего, выливающегося в юридические нормы, насильственно внедряемые в человеческие взаимоотношения, обманывая народ иллюзорностью своего служения добру, заставив человечество дорожить властью, почестями, богатством и славой...

Власть приучила людей ко лжи, она веками принуждала их верить в то, что она есть защитник общества от т. наз. вредных элементов, но последние являются продуктом того же внешнего закона, в конфликт с которым они вступают; если бы не было закона, то не было бы и его нарушений.

Затем, закон внешний мыслится как распределитель материальных благ, но каждому известно, что он не только не достигает в этой области совершенства, наоборот, неуклонно удаляется от него все дальше и дальше.

Считают, что внешний закон есть проявитель мудрости и справедливости. Мудрость еще настолько не присуща теперешнему умственному состоянию людей, что они не могут создать ни одной истины, а лишь творят теории, господствующее в науке, искусстве и технике не более сотни лет. О справедливости приходится говорить еще меньше, так как она может быть лишь источником закона внутреннего, а не внешнего.

Более гибельное влияние оказывает закон внешний на молодых вмешательством в образование и воспитание.

Какая бы власть ни была, она упрочивает свое положение путем внедрения в человеческую психику юридических норм, навязывая мнения, что только они могут облагодательствовать человечество. Меж тем, такое внедрение в психику ненужного багажа, только обременяет последнюю и затушевывает развитие единственного дей-

ственного внутреннего закона.

Власть считает себя покоровителем сирых и убогих, но всем известно, что чувства взаимопомощи развиваются только тогда, когда они освещаются лучем внутреннего закона.

Власть возглявляет территориальное об'единение людей и создает национальности с их отрицательными свойствами.

На пути человеческого развития бывают моменты, когда внешней закон не в силах охранять своих границ, ибо существуют также организации, которые прорывают железное кольцо территориального и национального об'единения. Идеи науки и искусства не знают границ и создают своеобразное человеческое единение, известное под именем публики; последняя не знает границ своего пребывания, т. к. публику может об'единять напр., автор тех или иных идей не только на своей родине, но и за ее пределами.

Если и теперь существуют такие организации, которые стирают искусственные границы, созданные внешним законом, то данное положение, как нельзя лучше, доказывает искусственность и не нужность территориальных границ.

Власть считает себя покровителем наук, искусств и техники, но если бы она предоставила им свободу развития, то, конечно, эти человеческие знания очень быстро стали бы совершенствоваться, ибо опека, как бы ни была благожелательна, она все-же вредна. Она бывает благожелательна только к определенному течению в науке и искусствах, некоторые же отрасли из них власть считает для своего существования или не желательными, или вредными, тогда их развитие совершенно прекращается, благодаря чему насильственным путем тормозится дальнейшее развитие целого народа.

Наконец, в идейном смысле власть считает себя конденсатором чаяний, предположений и стремлений всего народа, создающего яко-бы свою историю.

История отдельных народов выросла на ложном понятии о власти, на внедрении в человеческую психику понятия о том, что без власти существовать нельзя, что только принудительная власть в силах реализовать общие стремления, что эта сила рассевалась бы при отсуствии власти, и народ пошел бы по пути регресса.

Всякое уклонение от естественного развития создает тормоз в начале и атрофию как последствие данного уклонения. Всем известно, что орган, будучи искусственными приемами лишен деятельности, атрофируется, всем известно, что богатые люди быстро вырождаются, если они уклоняются от созидательной работы и переходят на паразитарное существование. Этот же закон приложим и к развитию закона внутреннего, находящегося под контролем совести.

Закон внутренний или закон моральный, есть закон естественный, вложенный в человека его природою, но жизнь, создавшая власть, при помощи последней, направила все свои силы на то, чтобы развивать закон внешний и тормозить, атрофировать закон внутренний, предполагая, что искусственно созданный закон вполне заменит закон естественный.

Внешний закон, создававшийся тысячелетиями, охватил, сковал все стороны проявления человеческого духа и создал преимущества, как для самой власти, так и для арсенала ее поддерживающего. Пользуясь всеми средствами, институт власти будет поддерживать закон внешний со всеми его темными стремлениями.

Но народ должен наконец познать, что ему внешний закон не только не нужен, а вреден, он тормозит развитие естественного внутреннего закона и тем отдаляет от человечества истину, пряча ее под кровавые тряпки знамен. Духовное развитие и совершенствование могут итти правильно лишь при устранении самого главного и наивреднейшего налета — принудительной власти.

Власть группирует вокруг себя богатства, почести и славу, т. е. средства, при помощи которых можно одурманить человека, гипнотизировать его, превратив эти ценности в предмет достижения, ибо данные ценности превратились в идолов, требующих наибольшее количество кровавых жертв. Благодаря тому, что богатство, почести и слава создают иллюзию исключительно выгодных условий для земного существования человека, власть окружает себя выдающимися умами, которые в своих речах и произведениях создают благоговение, очарование и стремление людей к этой

иллюзорности человеческого счастья, за которой действительное счастье духовного совершенствования прячется, угнетается, порабощается.

У человека есть страж, контролер и ценитель его поступков — совесть, создающая внутренний закон, последний только и подлежит дальнейшему развитию и совершенствованию, а потому и спрашивается: на что нужен человеку внешний, выдуманный и органически несвязанный с его личностью закон внешний, что может дать последний кроме несчастий, на сколько тысячелетий он может задержать прогресс человечества, сколько человеческой крови прольется по багряницам власти, сколько духовной энергии людей будет истрачено понапрасну для охранения ее, сколько миллиардов строителей жизни найдут свои преждевременные могилы, сколько слез, стенаний и глубокого душевнего горя переживет земля при наличии власти?

Что же это за неразрушимая цитадель, что же это за всепожирающий Молох, которому приносятся столь великие жертвы, откуда этот бог злобы, зависти, ненависти, мести, перед которым стушевывается проявление добра, блекнет совесть, умирает человеческое достоинство, скрывается истина?

Не есть ли это мираж, не есть ли это злобная греза, издевающаяся над человеческим достоинством, не есть ли это тысячелетний гипноз, искусно поддерживаемый самим человечеством, не научившимся еще отличать рабство от свободы?

Настало время отрешиться от гипноза, настало время для того, чтобы сбросить великолепие иллюзии, ослепляющей глаза, настало время, когда человечество нашло настоящий путь к истине, и оно пойдет к ней, отогнав зловещих призраков и разбив кровавые жертвенники.

Плач, горе и стенания будут темными пятнами лежать на страницах истории и напоминать "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой", но действительность перестанет множить кровавые призраки, и спокойствие, мир, братство, равенство и свобода прочно укрепятся в жизни и в умах человеческих.

Это произойдет тогда, когда человечество повсеместно сбросит власть, перестанет приносить ей кровавые жертвы, перестанет петь ей хвалебные гимны, перестанет интересоваться ее мишурными прерогативами, перестанет служить ей, и тогда человек будет свободен, чист и велик, тогда он перейдет к светлому идеалу безвластия.

Со смертью закона внешнего проснется от тысячелетнего гипноза закон моральный, его величие, обаяние и свет переродят человечество, и пойдет оно неудержимо, спокойно, ликующей поступью к вечному, незыблемому храму любви и истинного знания.

П. К.

ЦЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

Два тома по истории анархизма, принадлежащие перу М. Неттлау и вышедшие пока лишь на немецком языке, являются, вне всяких сомнений, весьма ценным историческим трудом. Первый том, озаглавленный "Ранняя весна анархизма," посвящен развитию анархической идеи от самых первых ее проблесков в древнем мире до появления анархизма в его современной форме, как определенного течения в социализме, т. е. до эпохи Прудона. Второй том, носящий название "Анархизм от Прудона до Кропоткина," охватывает период от последних годов жизни Прудона (начиная с 1859 г.) до 1880 года, — знаменательного в истории анархических идей. Лучшего историка нашего движения, чем автор этого труда, конечно, и желать нельзя. Неттлау, во-первых — историк, во-вторых — сам участник анархического движения в течении многих десятков лет. Как историк, до тонкости изучивший эволюцию социалистических и революционных идей, он не только владеет богатейшим запасом фактических материалов, но у него есть чутье по отношению к изучаемой эпохе, понимание ЕЕ настроений, ЕЕ мотивов, способность смотреть на нее глазами ЕЕ, а не нащих современников. Затем, как участник движения, а не только зритель, Неттлау вносит и свое изложение и более редкие у историков черты: знание

особой психологии революционной среды, жизни анархических групп, характера взаимных отношений, постановки вопросов, мотивов тех или иных выступлений. Кроме того, Неттлау знал ЛИЧНО почти всех видных деятелей движения времени 1-го Интернационала и позже, и личные свидетельства, сведения от них полученные и впечатления от долгого общения с ними дали ему знание того, что для историка далекого — по времени или по убеждениям — осталось бы неизвестным и непонятным.

В этой статье я остановлюсь пока лишь на 2-м томе, охватывающем период, более непосредственно нас касающийся, так как все мы воспитались на тех идеях, которые дал именно ЭТОТ период. Неттлау устанавливает, что именно начиная с 60-х годов, анархизм перестал быть чисто отвлеченным освободительным стремлением выдающихся умов человечества, а стал общественным ДВИЖЕНИЕМ, непрерывным, неистребимым, ставящим себе уже не только задачи теоретические, но и задачи практического осуществления определенного общественного идеала. Это об'единение философии с практикой нашло себе первого выразителя в Прудоне: с этого времени эволюция анархизма шла уже непрерывно и последовательно по определенному пути. Неттлау выдвигает самую главную, основную черту этой эволюции: это — постепенное преобразование и развитие взглядов на вопросе о СОБСТВЕННОСТИ, — собственности на средства производства и собственности на продукты потребления. У Прудона в основе желательного экономического строя лежит понятие равенства, равноценности и взаимности; производство и обмен построены на кооперативных началах; все члены общества пользуются одинаковыми правами в силу того, что они обмениваются РАВНОЦЕННЫМИ услугами; каждый продукт обменивается на продукт равноценный. Эта первенствующая роль ВЗАИМНОСТИ в экономических отношениях дала социализму Прудона название социализма МУТУАЛИСТИЧЕСКОГО. Понятите об ОБЩЕСТВЛЕНИИ собственности в это учение не входит: экономическое равенство достигается уничтожением привилегий капитала и утверждением одной только ТРУДОВОЙ собственности. Точно также отсутствует и понятие об ЭКСПРОПРИАЦИИ имущего класса, и вопрос о путях осуществления коренного общественного преобразования остается открытым. Этот прудоновский социализм господствовал в первые годы существования Интернационала; но уже на конгрессах 1867 и 1868 годов виден переход к следующей стадии: провозглашается ОБЩЕСТВЕННАЯ собственность на землю и орудия труда. Это — начало второго периода.

В лучшую пору жизни Интернационала и в разгар деятельности Бакунина экономические воззрения анархистов обозначались термином КОЛЛЕКТИВИЗМ. Впоследствии термин этот подвергся всяческим искажениям его первоначального смысла, но в то время он означал: общественное владение землею и орудиями труда и организация распределения соответственно желаниям той или другой общины, входящей в анархическую федерацию. Способ распределения — по труду, по потребностям и т. д. — таким образом не предрешался, а предоставлялся свободному выбору заинтересованных лиц и группировок. Когда Бакунин в одной из своих речей говорил: "я — не коммунист, я — коллективист," то его коллективизм нужно понимать именно в этом смысле, — в смысле свободного, частного и локального решения всех жизненных вопросов. Коммунизм, от которого Бакунин отказывался, был в то время коммунизмом государственным, предполагавшим сильную власть: лозунг "каждому по его потребностям" понимался так, что кто-то должен определять свыше эти потребности и наделять каждого тем, что ему полагается. Бакунин, замечает Неттлау, не мог удовлетвориться ни одною из существовавших тогда форм социализма: "Коммунисты пренебрегали свободою; Прудон выставлял сухую взаимность — давать и получать — вместо добровольной солидарности." Поэтому бакунинский социализм и принял особую новую форму: ЦЕЛОСТНОГО социализма и ЦЕЛОСТНОГО осуществления свободы, т.е. того "коллективистского анархизма," о котором Неттлау говорит, что он — "естественное здоровое учение, одновременно зародившееся у Бакунина и у Де-Папа (один из крупных деятелей 1-го Интернационала),

как дальнейшее развитие раннего прудоновского анархизма, основанного исключительно на взаимности." Когда коллективистический анархизм провозглашал принцип "каждому — полный продукт его труда," это не значило, что этот труд будет кем-нибудь оцениваться и по этой оценке вознаграждаться, — это значило, что никакой эксплоатации не будет, что никто не будет брать долю этого продукта себе, что паразитных классов не будет существовать в обществе. Дальше в этот вопрос во времена Интернационала не углублялись, предоставляя остальное будущему.

Однако, по мере того, как идеи разрабатывались, начали возникать в некоторых кружках новые вопросы и старый коллективизм перестал удовлетворят. Начиная с 1876 года, высказываются взгляды, которые впоследствии, развившись и систематизировавшись, составили "коммунистический анархизм." Это — третий период.

На этом третьем периоде, о котором Неттлау говорит, что он дал анархизму его современную, окончательную (для большинства анархистов) форму, следует остановиться немного подробнее, как на наиболее близком нам не только по времени, но и по духу.

Новые взгляды, говорит Неттлау, зародились, повидимому, впервые в Женеве, в небольшой группе французских эмигрантов, состоявшей преимущественно из лионских рабочих. Исходной точкой была мысль, что точная оценка труда каждого работника — вещь невозможная и что всякая попытка такой оценки будет актом произвола и приказывания. Единственное, чем можно, поэтому, руководствоваться при распределении, это — потребность каждого. В одной из изданных этою группою брошюр впервые попадаются слова "коммунистический анархизм." О КОММУНИСТИЧЕСКОМ анархизме говорил тогда и Элизе Реклю, в своем ПЕРВОМ открытом выступлении, — в речи, произнесенной в Лозанне, в марте 1876 года. И около того же времени в итальянских кружках, где работал Малатеста, тоже стали говорить о том, что "обществу должны принадлежать не только сырье и орудия производства, но и продукты труда," и на конгрессе Итальянской федерации было провозглашено, что "коллективная собственность на продукты есть необходимый вывод из коллективистической программы и что общее сотрудничество всех для удовлетворения нужд каждого есть единственная форма производства и потребления, отвечающая принципу солидарности."

Однако, эта новая идея в то время не обратила на себя особого внимамния и ни споров, ни дебатов не возбудила: она не находилась в противоречии с общепринятым в анархической среде коллективизмом, а являлась как-бы одной из возможных форм его. Не привлекла она вначале и внимания Кропоткина, с самого приезда своего за границу начавшего интенсивную интернациональную деятельность — в Швейцарии, в Бельгии, затем во Франции. Но выработка идей уже шла. На Юрском конгрессе 1878 года Реклю поставил на обсуждение вопрос о составлении декларации на тему: почему мы — революционеры, анархисты, коллективисты? И в ответах — его, Кропоткина, Брусса — уже намечается вся будущая анархическая программа: и по вопросу о роли общины, как территориальной единицы, и о муниципальном социализме и т. д. Но главную и решающую роль в этой выработке сыграло основание газеты "Револьте" (Бунтовщик), за редактирование которой взялся, со всей своей энергией и со всем своим талантом, Кропоткин.

"Револьте" начал выходить в начале 1879 года и скоро стал не просто одним из анархических журналов, **а руководящим международным органом,** в котором последовательно освещались, с точки зрения практического осуществления в духе анархизма, все вопросы социализма и рабочего движения. Известные всем "Речи бунтовщика" —настольная книга анархистов всех стран — составились из статей Кропоткина в "Револьте." На конгрессе 1879 года центральным пунктом явился доклад Кропоткина "Анархическая идея с точки зрения ее практического осуществления." В этом докладе Кропоткин формулировал те взгляды, которые он потом проповедывал втечение всей своей жизни. Не коллективизм, а коммунизм — основа анархизма, — таков в сжатой форме тезис Кропоткина. Неттлау указывает на 1880 год, как на решающий в этом отношении: мысль

коллективистов Интернационала разделилась на две ветви: одни признавали общую собственность лишь на землю, сырье и орудия производства, оставляя предметы потребления в собственности частной; другие считали такое различие искусственным, на том основании, что каждый продукт потребления является вместе с тем и элементом производства, ибо он поддерживает в человеке силу, необходимую для производства. Кропоткин решительно отрицал всякое измерение труда и провозглашал равное право всех на общественное богатство. Оба направления столкнулись на когрессе Юрской Федерации в 1880 году. Кропоткин, Реклю, Кафиеро защищали новую идею анархического коммунизма, как единственно совместимого с равенством, солидарностью и безгосударственностью. Другие участники конгресса отстаивали коллективизм, но не прежний, а с'уженный: обобществление только земли и орудий труда. С этого времени коммунизм вошел в анархическое миросозерцание, как необходимая и неотделимая от него часть.

Лично Неттлау отрицает эту необходимость и неотделимость. Он считает, что в ТО время и в ТОЙ обстановке провозглашение бескомпромиссного анархического коммунизма имело свое основание в надежде на очень близкую социальную революцию, а также в силу того, что тогда приходилось бороться с умеренными течениями в социализме. Но в сущности Неттлау считает это провозглашение не шагом вперед, а шагом назад, — С'УЖЕНИЕМ анархических идей. В 1880 году, говорит он, старые рамки Интернационала, в которых уживались вместе анархисты (как коммунисти, так и коллективисты), марксисты и др., были разбиты и был провозглашен односторонний и непосредственный коммунизм. Этим создалась анархо-коммунистическая партия: "всякий, кто считает, что обладает односторонним решением известных вопросов будущего, тем самым входит в партию." Во время Интернационала, как Маркс, так и Бакунин хотели придать ему определенное партийное направление, но и тот и другой встретили сопротивление; в 1880 году Кропоткин, Кафиеро и Реклю не встретили твердого сопротивления, и с этого времени анархический коммунизм стал общим лозунгом. И насколько я много лет радовался этому, настолько я теперь чувствую, что это было опасным с'ужением анархического развития, шедшего потоком, начиная с коллективизма 1868 года. В 1880 году произошел разрыв с действительностью. Не тот час же, но очень скоро возникло представление, что вне непосредственного перехода к коммунизму нет анархии, что всякое, абсолютно всякое иное представление об анархизме есть старый хлам... За этою первою специализацией последовали еще другие, и в результате, говорит Неттлау, анархизм разбился на множество течений, совершенно непримиримо друг к другу относящихся.

Эта точка зрения Неттлау, является, конечно, спорной: возможны разные виды анархизма, вопрос лишь в том — не таят-ли они в себе противоречий. В этом отношении КОММУНИСТИЧЕСКИЙ анархизм является, несомненно, течением наиболее логически построенным. Отсюда и его преобладающее влияние в нашем движении.

Книга Неттлау содержит в себе, помимо того центрального вопроса, на котором мы остановились, множество ценных данных о влиянии на развитие анархизма того или другого исторического момента, о роли в нем коммунистических идей, о причинах преобладающего влияния в нем латинских стран и т. д.

М. Корн

Отрывки из писем Бакунина
(Рейхелю)

. . . Не презирай, дорогой мой, свободу, какой бы отрицательной она тебе ни казалась. Свобода, как хлеб, который ешь каждый день и именно поэтому часто так мало ценишь, пока в нем не нуждаешься. То же применимо и к обществу: надо прожить год в одиночном заключении и иметь перед собой, как я, еще бесконечный ряд таких лет, чтобы вполне понять и почувствовать, насколько для счастья, для преуспеяния, для нравственности каждого необходимо общение с людьми. Ибо в чем величайшая цель человеческой жизни? В гуманности. А развить ее в себе вне общества — то же, что выучиться плавать без воды. Даже общение с худшими людьми лучше, облагораживает больше, чем одиночество...

М. Бакунин

М. БАКУНИН, А. ГЕРЦЕН И М. НЕТТЛАУ

М. А. Бакунин (1814-1876) — олицетворение гения европейской революции XIX века. Продукт русской земли, он в то же время явление международное, не вмещавшееся в рамки николаевской России, искал применения своим вулканическим силам за ее пределами. Его ненавидели, боялись короли и цари, и даже в революционной среде к нему относились настороженно: он был в своей родной стихии в уличных боях, на баррикадах, но в нормальной обстановке дерзкие речи Бакунина, смелые его социальные планы пугали нерешительных буржуазных политиков.

Даже у А. И. Герцена (1812-1870), ближайшего друга, единомышленника Бакунина в ранние годы изгнания, не всегда заметны энтузиазм, одобрение бурной революционной деятельности, фантастических планов Бакунина — этой "большой Лизы," как его в шутку называли некоторые из русских эмигрантов-революционеров. Но в отличие от других критиков, А. Герцен воздавал должное гению Бакунина, этого искателя социальной правды, "града настоящего не имеющего, града будущего взыскующего."

Иначе отнесся к нему И. Тургенев, одно время друживший с Бакуниным, но потом, вероятно обозленный резкими его атеистическими выпадами, избрал его об'ектом нападок в своей повести "Рудин" (Бакунин), нарисовав его, как "деспота в душе...," "играющего опасную игру...," "слова которого (Рудина) так и остаются словами и никогда не станут поступком" и т. д. Тургенев, повидимому, досаждал Бакунину своим Рудиным не только за богохульство; вероятнее всего тургеневские помещики в повести сводили с ним счеты. как с дворянином-помещиком, порвавшим связь со своим привилегированным классом, подтачивавшим революционной пропагандою устои, благополучие этого класса.

В свое время Чернышевский, Герцен и др. протестовали против пасквилянства И. Тургенева и он до некоторой степени смягчил тон финальной части повести, но авторское самолюбие взяло верх над чувством справедливости и портрет Рудина вышел всетаки неприглядным. Как бы в оправдание Бакунина, А. Герцен пишет: "...он мог, не уставая, говорить со свежей головой с самым умным и самым глупым человеком." Пигасовский (вернее Тургеневский) упрек, что "Рудина, как китайского болванчика, перевешивала голова" — верное указание на то, что помещики-либерали до смерти были перепуганы видениями революции, накликанными речами Бакунина, исходившими из ненавистной им "большой головы." Они успокаивали себя, однако, тем,, что все это только неприятные слова...

И эти жалкие упреки Рудина-Бакунина в том, что он брал взаймы деньги, не платил долгов, жил "на чужой счет..." Да разве друзья, ученики последователи Сократа, Будды, Христа, Ганди и других великих учителей и трибунов, обогащаемые духовными дарами своих учителей и наставников, могли требовать с них плату за каждый с'еденный обед и выпитый стакан чаю, как это принято у мещан и лавочников, которым уподобляются герои Тургенева?

В данном случае герои И. Тургенева, желавшие насолить М. Бакунину, позабыли даже о барском хлебосольстве, свойственном русским помещикам. А. Куприн оказался прозорливее этого корифея русской литературы, раскрывши могучую силу фантазий, слов: "...дело в том, пищет он в 'Поединке,' — что нет на свете ничего практичнее, чем те фантазии, о которых теперь мечтают лишь немногие. Они, эти фантазии — вернейшая и надежнейшая спайка людей..." Заметим мимоходом, что А. Куприн в "Тосте" будущему свободному человечеству мечтает о "Всемирном Анахическом Союзе свободных людей," что неприятно поразило советского автора предисловия к избранным сочинениям этого писателя-сменовеховца...

***

Великая французская революция, всколихнувшая Западную Европу, докатилась и до России, но была затоплена в крови Декабристов в 1825 году. Онемеченная династия Романовых по имени, а фактически Голштинская со времени воцарившегося на русском престоле голштинского

герцога Карла-Петра-Ульриха, преобразившегося в Петра 3-го Феодоровича, убитого своей благоверной супружницей Екатериною 2-й, тоже немкой, душила Россию, пресекала всякие ее порывы к свободе, прогрессу: "Образование дало только новые средства угнетения, — замечает А. Герцен, — церковь сделалась одною тенью, под которой покоится полиция, народ все выносит, все терпит, правительство все давит и гнетет... История других народов — повесть их освобождения. Русская история — развитие крепостного состояния и самодержавия... Петр сделал из нас **просвещенных** рабов..."

Общественный застой, дух николаевского времени со всей яркостью отражены в прекрасном пятистишии Нежданова:

Все спят! Спит тот, кто бьет и тот, кого колотят!
Один царев кабак — тот не смыкает глаз;
И штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

И эпилог к нему — тревожное замечание И. Тургенева: "...если его (народ) что разбудит — это будет не то, что **мы** (т. е. либералы) думаем..."

В Европе революция покончила с феодализмом, самодержавием королей, освободила крестьян от барщины, подрезала крылья католической инквизиции. Но вооружения буржуазия, создавшая правительство, надувшая своих пролетариев, снова загнала их в трущобы, потогонные мастерские и фабрики, приняла меры против социального бунта, упрочила свое господство над ловко обойденным народом. Словом, произошла некоторая смена декораций. Разоруженный народ роптал, волновался.

Неудачи французской революции А. Герцен относил насчет непостоянства, неустойчивости французского характера: "французы, по его мнению, любят только домогаться свободы; силы на освобождение они иногда находят, на свободу — никогда." В этой герценовской оценке национального характера французов как бы разгадка нынешнего качания де-голизма во Франции...

Из России уходили за границу все те, кто не попал в казематы, Сибирь или сумасшедший дом (вольномыслие приравнивалось к сумасшествию — случай с Чадаевым), с которого Грибоедов написал портрет Чацкого в "Горе от ума," и о котором А. Пушин писал, что

В Риме был бы Брут,
В Афинах — Периклес,
Но здесь, под гнетом власти царской,
Он только офицер гусарской..."

В эмиграции очутился даже некий чин, начальство которого признало, "что у него почерк плох," а он в свою очередь намекнул на малограмотность Николая I: царь де писал слово "нет" не через ять, а "е." В грамотности он, конечно, превосходил Екатерину 2-ю, которая в слове из трех букв "еще" умудрялась делать четыре ошибки: "исчо." Но и это все таки было лучше полной неграмотности царицы из эстонских кухарок Екатерины I...

Наезжали за границу либеральничавшие помещики, которые уверяли Герцена, что "наш мужик — страшный лентяй... Он, пожалуй, и добрый малый, но пьяница и лентяй. Освободы его сразу — работать перестанет, полей не засеет, просто с голоду умрет." Герцен, конечно, сомневался в этом и об'яснял наивным помещикам, что крестьянин-то не пропадет, а барину, лишенномум дарового труда, не поздоровится. Но были и такие помещики, как Н. П. Огарев, который до эмиграции освободил 10 тысяч своих крепостных с землею.

В Париже М. Бакунин и А. Герцен сблизились с Прудоном. "Я был многим обязан Прудону в моем развитии," замечает А. Герцен. Бакунин целые ночи проводил в спорах с ним, проповедывал ему методу Гегеля, философию Канта, Фихте. Пьер Жозеф Прудон (1809-1865) — антикоммунист: "Справедливо то, что равно; несправедливо неравное. Его мерило социальной справедливости: "каждому по труду" легло в основу ассоциацинного анархизма Л. Чорного, убитого большевиками (подробно это учение разработано в книге Л. Черного "Ассоциационный анархизм," изд. в Нью Иорке). Коммунистическая формула "каждому по потребностям, от каждого по способностям," по мнению Прудона, может быть применима только в семье. Древне-греческий философ Аристотель (384-322 до Р. Х.) тоже не разделял коммунистической точки зрения: "Несправедлив тот, кто берет больше, чем свою долю."

А. Герцен финансировал издание прудоновской ежедневной газеты "Голос народа," подвергавшейся бесконечным полицейским и судебным репрессиям. Прудон был частым гостем в тюрьмах. И Бакунин и Герцен разделяли его отрицательное отношение к парламентаризму, "конституции семисот голов," против которой Прудон подал единственный голос в народном собрании: "я подаю голос против вашей конституции не только потому, что она дурна, но и потому, что она — конституция." А. Герцен в "Былое и Думы" с грустью замечает, что "личность Прудона терялась в этом мещанском вертепе," т. е. в парламенте, который он характеризует, как "самое колоссальное беличье колесо в мире." И ничего нельзя придумать лучшего для очковтирательства и надувательства граждан, "как бесплодная качка парламентских прений," которая "дает **вид дела** и форму общих интересов для достижения своих личных целей."

М. Бакунин, А. Герцен и другие эмигранты — ненавистники монархии, — дрались в Париже на баррикадах за республику, которая, после утверждения власти мещан, спешила избавиться от них, как нежелательных иностранцев, не удовлетворявшихся сменою декораций, одною политической формою без социального содержания. Активность Бакунина в обществе польских повстанцев очень беспокоила русское посольство в Париже и оно не остановилось перед спровоцированием его в глазах французов, распустив слух о том, что о — "агент царского правительства." И Бакунин и Герцен должны были оставить пределы Франции в 1847 году.

М. Бакунин направился в Прагу на Всеславянский конгресс с планами поднятия восстания против пруссаков, австрийцев и русского царя. На пути в Прагу Бакунин (б. артиллерийский офицер) дает уроки пушечной стрельбы немецким крестьянам, неумело осаждающим замки феодалов. Эти уроки помогли вытурить баронов из замков: бауеры освободились от крепостной кабалы.

Славянские планы Бакунина о разрушении трех деспотий провалились: австрийские войска оборвали поток речей и споров о воссоединении славян. В Дрезденском восстании Бакунин попал в руки пруссаков, приговоривших его к смертной казни. Скованного по рукам и ногам, его послали в Австрию: у кайзера были с ним свои счеты, но более всего искал с ним рандеву "всемилостивейший" царь-батюшка, желавший взглянуть на своего неверноподданного, вздыбившего всю Европу, и в 1851 г. услужливые австрийцы передали его царской жандармерии, заживо похоронившей бунтаря в Петропавловской крепости. Царь-батюшка заявил матери Бакунина: "Ваш сын не выйдет на волю пока он жив." Но Николай I умер, а его преемник Александр II-й выслал Бакунина в Сибирь, откуда он убежал в 1861 г. через Японию — Сан Франциско и снова появился в Лондоне 27 декабря на радость друзьям и страх врагам.

Преследовали М. Бакунина не только короли и цари, но против него ополчился К. Маркс, соперничавший с ним за преобладание в международном рабочем движении. Маркс не стеснялся в средствах — лишь бы одолеть своего противника. Его взбесила славянская акция Бакунина. Маркс твердил, что у славян нет будущего, особенно у тех из них, которые подпали под власть австрийских немцев и пруссаков. В наше время Маркс, вероятно, потребовал бы включения Чехословакии и прусской Польши в состав германской империи: в смысле колониализма у Маркса почти полное единомыслие с канцлером Аденауером.

Страсти в славянском вопросе до того вскипели, что газета Маркса не постеснялась назвать Бакунина "царским шпионом," который в то время был погребен в каземате Петропавловской крепости и потерял от цынги все зубы. Ссылка на Жорж Занд испортила все дело: писательница не подтвердила подхваченного Марксом слуха о шпионаже, и отозвалась о Бакунине с самой лучшей стороны. Напечатавший в своей газете ее опровержение, Маркс свалил вину за эту клевету на своих помощников по редакции, будто бы напечатавших клеветническое сообщение в его отсутствие. Опровержение собственной клеветы не мешало, однако, марксистам повторять ее снова каждый раз, когда им требовалось набросить тень на мешавшего им политического соперника.

Заступившийся за Бакунина А. Герцен навлек на себя громы и молнии Маркса и

его немцев. Они отзывались о Герцене, "как о дерзком варваре, осмеливающемся смотреть на Германию сверху вниз." А. Руге писал Герцену: "...что Россия — один грубый материал, дикий и неустроенный, которого сила, слава и крепость оттого и происходят, что германский гений ей придал свой образ и подобие." Но в России несколько иначе думали о немецком культургерстве, и очень жаль, что зазнавшийся г. Руге не имел случая ознакомиться хотя бы с оценкой роли немцев проф. В. Ключевским (1841-1911) в царствование Анны Ивановны: "Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались на все доходные места... вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на недоимочные деньги, выколачиваемые из народа, употребляя их на обядение и пьянство, считая русских крестьян хуже собак... Пропащее наше государство, — говорили в народе..."

А. И. Герцен (сын матери немки Я. И. Гааг из Штутгардта), хорошо разбирался в немцах. "Все немецкие революционеры, — писал он в 'Былое и Думы' — большие космополиты..., и все исполнены самого раздражательного, самого упорного патри-отизма... Они готовы принять всемирную республику, стреть границы между государствами, но что б Триест и Данциг принадлежали Германии." И он же подметил немецкую склонность к кровожадности еще в 1848 году: он цитирует слова немецкого эмигранта Гейнцена о том, что "достаточно избить два миллиона человек на земном шаре, и дело революции пойдет, как по маслу" (в этом числе жертв — 200 тысяч китайцев — чего их жалеть!). Увлекшийся в "Бесах" Достоевский повысил число жертв до 60 миллионов голов для утверждения правды...

В подобной политической обстановке и общественной среде развивал свою деятельность наш знаменитый бунтарь М. А. Бакунин. На этой исторической канве, близкий ему по духу и по времени, его почитатель Макс Неттлау воздвиг своему герою великолепный памятник в форме "Биографии М. Бакунина" сперва в трех томах — около 1281 страницы, прибавив к ним в период 1903-1905 гг. еще четыре тома, представляющие собою рукописные, мелким почерком исписанные страницы на немецком языке, читаемые только с помощью лупы.

Отсутствие средств на издание этого колосального исторического труда в форме печатных книг побудило М. Неттлау к размножению семитомных рукописей гектографическим способом в 50 экземлярах, переданных на хранение главным столичным библиотекам в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Мадриде, где Бакунин был известен не менее чем в России. Этой редкой рукописной биографии его все еще нет в Московской, Ленинградской и других библиотеках на родине великого бунтаря, где он, со своими великими современниками Герценом, Огаревым, Велинским, Чернишевским, Гановским и др., будоражил погрузившееся в сон русское общество, поднимал ревоюционную целину...

И не ирония ли судьбы, что даже в наше время, после торжества революции России, великий бунтарь, гроза королей и царей, не находит признания, пристанища у себя на родине, не вмещается в бескрайних просторах СССР, и властвующие там наследники марксова племени ни смотрят даже на мертвого соперника К. Маркса с опаскою и если вспоминают иногда о нем, то с поношением. Чернивший своего соперника при жизни, безуспешно боровшийся с ним в Европе, боявшийся его, Маркс не пускает мертвого бунтаря на родину, он все еще в изгнании, но вернется, даст бой отцу диктатуры. Пруссак М. Неттлау, очарованный величием души и дел русского революционера, воздал ему должное на чужбине, воздвиг монументальный памятник, который все еще хранится под спудом в подвалах билбиотек Зап. Европы, ожидает восстания из мертвых, явления миру...

Глаголь

МЫСЛИ А. ЧЕХОВА

В работе надо быть смелым. Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять — и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал...

КАЖУЩИЕСЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Иногда может показаться, что анархизм таит в себе противоречия. (Некоторым, действительно, так кажется.) Являясь провозвестником полной свободы личности, анархизм вместе с тем как будто нарушает эту свободу, так как признает насилие. Всякое насилие, в конце концов — нарушение чьей-то свободы. Даже загоняние в рай — нарушение свободы, по крайней мере в отношении тех, кто в рай не желает идти. Следовательно, и анархисты, поскольку они будут являться сторонниками насилия, будут нарушать чью-то свободу. Особенно это неизбежно в области религии, где быстрого перехода от "старого" к "новому" не может быть. Религию декретом нельзя отменить; много, много лет потребуется для рассеяния религиозного тумана. Люди так или иначе будут таить религиозные чувства и вместе с тем смотреть на анархистов как на насильников. Даже такой высокогуманный человек, как Элизе Реклю, не избежал тут противоречия, — замечает автор статьи, посвященной М. Неттлау и напечатанной в прошлом номере "ДТП." Противоречие Реклю будто выразилось в том, что он, борясь за полное раскрепощение человека, за полную волю и свободу, вместе с тем требовал закрытия церквей.

О Реклю речь будет ниже; сейчас — несколько слов о кажущихся противоречиях вообще. Анархическая программа, как и всякая программа, состоит из двух частей — отрицательной и положительной. (Следует, впрочем, заметить, что программы, как чего-то сакраментального, не подлежащего пересмотру и изменению, у анархистов нет. Выражение "программа" анархистами в большинстве случаев понимается условно.) Отрицательная часть программы относится ко всему тому, что должно быть отброшено, т. е. к порядкам существующего строя, а положительная— к тому, что должно быть установлено. Методы насилия анархистами признаются лишь постольку, поскольку речь идет об отрицательной части программы, да и то лишь в самом крайнем случае. Анархистам, как никому, хотелось бы, чтобы люди жили мирно, тихо, как братья, не обижая друг друга и не вредя друг другу. К сожалению, такой жизни пока еще нет. Многое, очень многое препятствует установлению такой жизни на земле. Вот для устранения этих препятствий иногда приходится прибегать к насилию подобно хирургу во время операции. Но только для устранрения препятствий, а не для чего-нибудь другого. Коль скоро препятствия устранены, коль скоро становится возможным жить по-братски — надобность в насилии отпадает. Где свобода, где люди живут, как люди, а не как звери, там насилие не нужно. Каждый думает, как ему хочется, каждый действует, как ему нравится при одном лишь условии: его действия не должны мешать другим. Этого простого и всем посильного условия вполне достаточно, как для гарантии полной свободы, так и для предания забвения методов насилия.

Из этих кратких замечаний можно убедиться, что никакого противоречия в анархизме нет и быть не может. Свобода в учении анархизма не скрещивается и не сочетается с насилием. Насилие — досвободный период; свобода же — период, наступающий после отхода в вечность насилия. Насилие лишь расчищает путь свободе, но оно не сопутствует ей. Как нет надобности в зажигании лампы после восхода солнца, так не будет надобности в применении насилия после торжества свободы, — свободы настоящей, а не фиктивной.

Теперь — о Реклю. По мнению автора вышеупомянутой статьи, Реклю, требуя закрытия церквей, тем самым ставит в безвыходное положение религиозно мыслящих людей. Люди хотят верить в Бога, а Реклю им мешает. Здесь смешаны два понятия — религия и церковь. Хотя понятия эти как бы сопутствуют одно другому и даже чередуются, но они — не одно и то же. Религия — особое духовное настроение человека, так сказать, его мысленное общение с Богом, церковь же — не что иное, как обряды. Нужны-ли обряды для истинно верующего человека — этого нигде не доказано. Ссылки на св. писание, на пророков и на постановления вселенских соборов — в сущности ничего не до-

казывают. Бога никто никогда не видел, никто с ним не говорил, поэтому никто в точности не знает в каких именно обрядах он нуждается. Что лучше для Бога — крестное знамение тремя пальцами, совершаемое православными, или же такое же крестное знамение, совершаемое всей пятерней, как это принято у католиков, — этого никто доказать не может. Скорее всего, для Бога все это безразлично, т. е. что он в этом не нуждается.

Если хорошенько задуматься, то не трудно убедиться, что церковь даже противоречит религии, — по крайней мере — христианской. Христианство, как известно, против идолопоклонства. Кто из нас при изучении истории России, не гордился распоряжением Владимира потопить в Днепре Перуна? Нам казалось смешным, забавным (и, конечно, нелепым), что люди поклонялись деревянному истукану. А разве не это же самое совершается в церквах? Разве то, что мы видим в церкви — кресты, иконы, хоругви, иконостасы, паникадила и т. п. — не тот же Перун, только в ином виде? Все, что мы видим в церкви, сделано из самого обыкновенного материала — дерева, железа, золота, холста, бумаги и т. п. Почему же этот обыкновенный материал в иных случаях не святой, а в иных — святой? Если взять кусок дерева, распилить на две части и сделать из одной части крест, а из другой, скажем, колышек для привязывания собаки, то качество дерева от этого нисколько не изменится. Дерево остается деревом, что ни делай из него. И если люди поклоняются и целуют ту часть дерева, которая получает вид креста, то они лишь повторяют то, что делали наши предки, поклоняясь Перуну. То же самое иконы. В большинстве случаев иконы состоят из красок, наложенных на кусок полотна или бумаги. Этими же красками, на этом же холсту или бумаге можно изобразить что-нибудь другое, например, корову или лошадь. Качество красок и холста от этого нисколько не изменится. Почему же краски в одном случае становятся святыми, а в другом — остаются грешными? Такое перерождение простых предметов — вещь немыслимая. Все, что мы видим в церкви — обыкновенная материя. И поклоняться ей — значит, продолжать культ идолопоклонства, т. е. делать то, против чего говорит религия. (Не сотвори себе кумира.)

Вот почему закрытие церквей еще не означает закрытия религии.

В "Избранных Сочинениях" Реклю есть статья "Анархия и Церковь." Казалось бы, что именно здесь и должны быть требования Реклю закрытия церквей. Ничего подобного в этой статье нет. Начинается статья с библейского "око за око," т. е. раз церковь преследует нас, анархистов, то мы тоже будем ее преследовать. Но уже через несколько строчек Реклю переходит на свой обычный миролюбивый, высокогуманный, поистине христианский тон и утверждает, что анархисты не собираются преследовать людей за их верования. Позволим себе привести длинную цитату из этой статьи.

"Христианской нетерпимости мы противославляем также нетерпимость, но нетерпимость людей, проникнутых духом современной науки, а не нетерпимость кудесников и палачей. Мы всецело отвергаем как учение католицизма, так и учение всех родственных ему религий, дружественных и враждебных; мы боремся против их учреждений и дел, мы трудимся над разрушением последствий всех их поступков. Но мы делаем это без личной ненависти, потому что мы знаем, что действия людей определяются средой, где воспитывали их матери, где их кормило общество, мы знаем, что другое воспитание и менее благоприятные обстоятельства могли бы и нас сделать более ограниченными, поэтому мы и стремимся прежде всего к тому, чтобы создать... условия, которые излечат наконец от мании креста и других религиозных бредней. Мы нисколько не помышляем об отомщении в тот день, когда мы окажемся сильнейшими: церковь в течении 15 веков своего господства унесла так много жертв, что эшафотов и костров оказалось бы недостаточно. При том же месть совсем не в наших принципах, так как ненависть влечет за собой ненависть, а мы спешим начать новую эру социального мира. Наше твердое намерение... состоит не в том, чтобы 'внутренностими последнего священника свернуть шею последнему королю,' а в том, чтобы сделать так, чтобы в очищенной атмосфере нашего нового общества не могли бы рождаться ни короли, ни священники. Как того требует логика, наше революционное творчество относительно церкви должно быть разрушительным прежде чем стать созидательным... Но... само собой разумеется, мы нисколько не

думаем насильственно разрушатьт искреннее верование, наивные и набожные иллюзии, ибо мы не может проникнуть в сознание, чтобы изгнать из него смущение духа и тревожные мечты. Мы хотим лишь приложить все наши старания к тому, чтобы устранить из деятельности общества все то, что противоречит признанным научным истинам. Мы ведем борьбу против того ложного толкования, которое дает возможность кастам паразитов надевать личину набожных посредников между мнимым творцом и его созданиями."

В таком духе написана вся статья. Ни малейшего намека нет на разрушение церквей. Можно, однако, допустить, что Реклю, действительно, требовал закрытия церквей. Что же это означает? Думать, что Реклю под закрытием церквей подразумевал большой замок на церковных дверях — равносильно старинной русской поговорке: "не по коню, а по лобле." Церковь в конце-концов — обыкновенное здание, — иногда очень красивое, а иногда ничем не отличающееся от других зданий. И требовать закрытия или же разрушения этого здания — то же, что ударять не по коню, а по оглобле. Не в церкви тут дело, а в том, что скрывается за церковью. А скрывается — огромная армия — разных чинов и рангов — духовенства. Против духовенства то Реклю и восставал. Но — опять таки — не против духовенства, как личностей, а против тех функций, которые это духовенство выполняет. Прекращение этих функций и означало закрытие церквей.

Нельзя забывать, что жил Реклю в той стране, где господствующей религией является католицизм. Католическая религия, как и всякая религия впрочем, старается проникнуть во все поры общественной жизни. Она не довольствуется одними божескими делами, — она хочет руководить всеми поступствами человека. В старину, когда церковь и государство были неразлучны, это делалось прямо и открыто. Теперь открыто регламентировать гражданские акты церковь не может. Но для этого имеется множество скрытых, косвенных путей. Командовать людьми можно не только при помощи армии и полиции, как это делает государство и как это делала в старину церковь. Комадовать людьми можно и при помощи таких второстепенных средств, как воспитание. Католическая церковь почти всецело держит воспитание в своих руках. Начиная от начальных школ и кончая высшими учебными заведениями, преподавательский персонал состоит почти исключительно из монахинь и патеров. Чему они учат детей — всем известно. Помимо настоящих знаний, начиняют детские головы разными небылицами. Этим католическая церковь как бы компенсирует свое отделение от государства. Раз нельзя направить общество в ту или другую сторону из министерских кабинетов, то можно его направить из школьных зданий.

С этим то и не мог мириться Реклю. На воспитание детей духовенством он смотрел как на обыкновенное каличение. Тут Реклю был неумолим. Даже когда ему замечали, что дети идут в школу, руководимую духовенством, с одобрения родителей, а посему выступление против таких школ будет равносильно выступлению против воли родителей, — даже в этих случаях Реклю оставался при своем мнении, что воспитание детей должно быть из'ято из рук духовенства. На детей Реклю смотрел не как на собственность. Дети, в конце-концов, по мнению Реклю, принадлежат всему обществу. Они — наше будущее, будущее всего человечества. Поэтому калечить детей никто не имеет права. Даже у родителей нет на это права. Родители могут любоваться и наслаждаться своими детьми, но они не должны их уродовать.

Разве в этом можно заметить хотя бы малейший оттенок антигуманизма? Разве стремление уберечь детей от тлетворного влияния не является высшей степенью гуманизма? Реклю хотел, чтобы и детям, — когда они вырастут, — и всему человечеству, жилось хорошо. Какое же тут противоречие высокогуманным идеям?

Человек рождается только человеком. Такие наклейки, как 'православный," "католик," "русский," "немец," "еврей" и т. п. наклеиваются уже потом. И наклеиваются они главным образом в процессе воспитания. Частично это делается родителями, которым в свое время тоже наклеили эти наклейки, частично — школьными преподавателями. Поэтому школа в судьбах человечества играет весьма важную роль. В

большинстве случаев люди остаются такими на всю свою жизнь, какими их сделала школа. Привили ребенку в школе, что он — католик, католиком он и считает себя. Привили ему, что он — русский, русским он и считает себя. А если бы этому самому ребенку привили, что он — немец, немцем он и считал бы себя. Вот почему Реклю придавал такое большое значение школе. Вот почему он хотел, чтобы оттуда выходили свободные, здравомыслящие люди, без всяких искусственных наклеек. И так как духовенство — главная помеха этому, то Реклю тут и выступал главным образом против духовенства.

Мог выступать Реклю против церкви еще и потому, что церковь часто занимается делами, ничего общего не имеющими ни с церковью, ни с религией. Облагая прихожан высокими налогами, церковь успела создать колоссальные богатства. Что собою представляют богатства католической церкви — находим ответ в статье В. Татаринова, напечатанной когда-то в "Новом Русском Слове," а потом перепечатанной в календаре Мартьянова. (Май 9, 10, 11 с. г.)

"Кого следует считать самым богатым человеком на земле? — спрашивает Татаринов. Американских миллиардеров? Греческих пароходовладельцев, вроде Онассиса? Арабских владельцев нефтеносными землями? Индусских махараджей, собравших в подвалы тонны золота и драгоценных камней? Обладателей южно-американских залежей олова и меди? Нет... Самые крупные богатства сосредоточены в руках Ватикана. Эти богатства не легко заметить, еще труднее подсчитать. Формально Ватикан не имеет ни фабрик, ни заводов, ни рудников, ничем не торгует, никого не эксплоатирует. Капитализм Св. Престола... заключается в акциях. Финансовые специалисты считают, что вложенный в акции капитал Ватикана достигает суммы в 12 миллиардов долларов... К капиталам Ватикана надо присоединить и капиталы религиозных католических орденов, в перву очередь иезуитов. Иезуиты основали могущественную фруктовую компанию, имеющую огромные плантации в Центральной Америке и целый флот из 100 транспортных пароходов. Иезуитам принадлежат солидные пакеты акций Рипюбилк Стил и Нэшонал Стил. Принимают они участие в компаниях, строящих гражданские и военные самолеты — Боинг, Логхвид, Доглэс и Кертис-Райт. Они контролируют нефтяную компанию Филлипс Ойл в Тексасе и Креоле Петролеум в Венецуэле... Во Франции иезуиты принимают участие в автомобильных фирмах Ситроэн и Пэжо, в металлургическом концерне Шнейдер-Крезо, поставляющем артиллерийское вооружение. Еще более выгодным является их участие в парижском Франко-Итальянском Банке, который практически доминирует над южно-американским кофейным рынком... Идея превратить капиталы Св. Престола в акции различных промышленных предприятий пришла в голову папе Льву 13... Папа Пий 12 создал так называемый "Опера Религиоза," превратившийся в частный банк Ватикана и работающий в тесном контакте с швейцарским банком. Счет № 1 в этом банке принадлежит самому папе и на него поступает 'копейка Св. Петра,' т. е. особый сбор, уплачиваемый всеми католиками мира. Ни итальянское министерство финансов, ни какая-либо другая власть в мире не имеют права заглядывать в банковские книги 'Религиозных дел.' Ватикан является самостоятельным государством, свободным от какого-либо контроля... Ватиканские финансовые операции могут контролироваться только одним человеком в мире — самим римским папой."

Разве это похоже на религию? Нисколько! Правда, то, что излагает Татаринов, относится к нашим дням, но нет сомнения, что в то время, когда жил Реклю, дела Ватикана ничем не отличались от современных его дел. Тогда, как и теперь, прихожане облагались налогами и собранные деньги пускались Ватиканом на спекулятивные дела.

Накопление богатств при помощи обирания населения методом отпущения грехов такое же позорное и пагубное явление, как и накопление богатства при помощи эксплоатации рабочих на фабриках и заводах. И Реклю, как противник какой бы то ни было эксплоатации, конечно, не мог не восставать против этого. Но в этом нет ничего ни антирелигиозного, ни антицерковного. То, чего требовал Реклю, в сущности — не подрыв, а подспорье религии. Требования Реклю — не что иное, как очищение религии от разной накипи, а разве очищение можно считать вредным?

Автор статьи, отмеченной в самом начале этих строк, отдает должное М. Неттлау за то, что он считал московских религиозных анархистов полноправными анархистами. Но это не имеет никакого отношения ни к Реклю, ни к вопросу о церкви. Нет сомнения, что если бы Реклю жил в то время, когда жили московские религиозные анархисты — он считал бы их, подобно Неттлау, настоящими анархистами. (Об этом свидетельствует приведенная

выше цитата из его статьи.) А московские анархисты, в свою очередь, считали бы Реклю великим гуманистом, несмотря на его требования закрытия церквей. Московские анархисты ведь в церковь не ходили и церковными обрядами не дорожили. Их религиозность заключалась в известном складе мышления, а не в посещении церкви. Они были такие же антицерковники, как и Реклю или же Неттлау. Все они — антицерковники, все — анархисты, хотя и мыслили разно, когда речь заходила о религии.

Попутно со всем вышеизложенным следует сказать несколько слов об отношении анархистов к вопросу о религии вообще. Если признать, что религия — частное дело (а таковой она, безусловно, должна быть), то этим самым значительно упростится и облегчится наша задача. Частные дела, как известно, не подлежат санкциям, указаниям или регламентациям. Никто не может указывать другому, что кушать, как одеваться, где сесть, где лечь. Все это — дело вкуса и выбора каждого человека в отдельности. И если с этой точки зрения подходить к вопросу о религии, то нужно согласиться, что тут тоже никто не должен указывать другому, как верить, во что верить или же совсем не верить. Все это тоже дело личного вкуса и выбора. Хочет человек верить — пусть верит. Никто не должен мешать ему в этом. Но верующий, в свою очередь, не должен мешать тому, кто не хочет верить. Свобода и терпимость должны быть взаимными. Верующему — полная возможность верить, а не верующему — полная возможность не верить. Если дико и жестоко насильно загонять людей хотя бы даже в рай, то тем более дико и жестоко препятствовать людям проникнуть туда. Кто хочет в рай — пусть идет в рай, а кто не хочет — пусть не идет.

Как видно, вопрос о религии анархистами решается очень просто и легко: кто хочет религию — пусть имеет ее, кто не хочет — пусть другие не навязывают ее ему. Что может быть проще этого? И вместе с тем, что может быть справедливее этого?

Естественно, что при этом может возникнуть вопрос: а как быть, если религионзые люди захотят иметь церкви и священников? Ответ на этот вопрос все тот же: хотят иметь церкви и священников — пусть имеют, но только пусть все заботы обо всем этом берут на себя, а не навязывают обществу. Даже если верующих окажется большинство (чего, конечно, никогда не может быть в свободном обществе), то и тогда они должны содержать церкви и духовенство исключительно на свой личный счет, а не на счет общий, т.е. не включать сюда неверующего меньшинства.

Религия, в конце-концов — понятие отвлеченное, не земное, не реальное. Хочется кому-либо отрываться от земли и забираться в дебри метафизики — скатертью ему дорожка. Пусть он себе витает в облаках, пусть беседует с своим Богом. Но мы знаем, что даже наиболее религиозный человек окончательно от земли оторваться не может. Он должен до своей смерти оставаться на земле и должен так или иначе разрешать те вопросы, которые касаются исключительно нашего земного существования. Этих вопросов может быть много, они могут возникнуть каждый день на каждом шагу, но в общем все они сводятся к поддержанию нашего бреннего существования на этой плнаете. Вопросы эти одинаково касаются как тех, кто верит в Бога, так и тех, кто не верит. И их разрешение — общее дело. Тут уж никто не может сказать: это меня не касается. Характерно, однако, что все эти чисто земные вопросы можно решать мирно, дружно, по-человечески, независимо от того — верует кто в Бога, или не верует.

Такова структура анархического общества. В вопросах нереальных, абстрактных каждый идет своей дорогой, но в вопросах чисто земных, от которых зависит наше существование, все идут дружно, в одном направлении, все выполняют одну и ту же задачу — улучшение жизни на земле. Пока мы на земле и пока мы земные существа — у нас общая задача: улучшение земного быта. При лучших условиях лучше будет жить как религиозному так и атеисту. Что же касается жизни потусторонней, то об этом пусть заботятся те, кто интересуется этим. Обществу до этого нет дела.

М. Голубович

БИБЛЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

"В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не об'яла его" (Иоан. 1,1-5). Таково представление апостола Иоанна о начале бытия.

У Еноха (апокриф) приводятся детали сотворения человека: из земли создано тело; роса стала кровью, солнечные лучи послужили для образования глаз; камень был превращен в кости, разум человека "подобный молниеносной быстроте ангелов," — создан из облачных туч; из травы образовались вены и волосы, а душа человека — от дыхания Божия и дуновения ветра.

"И дал Бог человеку семь природ (чувств): телу — слух; зрение — глазам; душе — обаяние; венам — ощущение; костям — устойчивость; разуму—прозорливость."

И тем не менее Енох недоволен судьбой человека: "Благословен человек, который не родился, или который родился, но не согрешил перед лицом Господа" ("Тайны Еноха — Забытые книги Едема").

Библия дает нам более пространную картину сотворения вселенной. В первый день Бог создал небо и землю, отделил свет от тьмы (день и ночь); во второй день — твердь (небо), в третий — сушу, моря, растительность, в четвертый — светила на тверди небесной — "для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней и годов" и "чтобы они светили на землю"; в пятый день создаются в водах пресмикающиеся, птицы и животные, в шестой день был сотворен человек "по образу Божию" (мужчина и женщина) с повелением: "Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу, всем зверям и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу" (Быт. 1,29-30).

В этом сказании древне-еврейской мифологии наша земная планета притязает на господствующее, центральное положение во вселенной: другие планеты, как бы ставятся на службу ей, **"чтобы светить на землю"** (Быт. 1,15), хотя, как теперь это хорошо известно, в солнечной системе наша Земля, по своей величине, занимает лишь пятое место среди других планет и не может идти в сравнение ни с солнцем (в 332 тыс. раз больше ее), ни с такими, превышающими ее по размерам, планетами, как Юпитер (диаметр 87,000 миль), следующим за ним, по величине, Сатурном и она только с Марсом (диаметр—около 4.200 миль) — "почти близнецы и движутся в одной сфере" (Е. Самойлов). Луна (около 1/80 веса массы и около 1/49 окружности земли) — единственный спутник (сателлит) Земли, который и вращается вместе с нею вокруг солнца. Но астрономам теперь известны более 100 миллионов планет во вселенной...

Замечательно в библейском сказании еще и то, что создавая человека и животных, Бог предназначает им в пищу "всякую траву, сеющую семя" и "всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя" (это для человека); для животных же, птиц и пресмыкающихся предназначается в пищу "вся зелень травная." Иначе говоря, человеку и всему животному царству предназначалось быть травоядным, питаться растительной пищей, быть природными вегетарианцами (о мясе, плотоядности, кровожадности — ни малейшего намека у автора Бытия — все эти плохие привычки, возникли, очевидно, в более позднюю эпоху существования человечества и были уже отступлением от божественных планов мироздания).

Моисею приписывается авторство Бытия, но карьера этого освободителя своих соплеменников из египетской неволи как то не вяжется с божественными повелениями Бытия: Моисей, выросший при дворе фараона, не был, конечно, вегетарианцем, он убил египтянина, обидевшего еврея, и поэтому данная им заповедь "Не убий" в его

устах звучит фальшиво. Уже в отдаленный период исхода из Египта (около 1500-1300 лет до Р. Х.) евреи, как пастушеский народ, питались, главным образом, мясной пищей. Но и значительно раньше до этого первый библейский человек Адам, при трагическом изгнании из рая, возражает Богу, вторично обрекающему его на вегетарианство: "О, Господи, должен-ли я и мой осел питаться одинаковыми злаками?" — очевидно Адам уже знал вкус мяса. Известно, что левиты в позднейшую пору разрешили в пищу не только мясо, но некоторые виды насекомых: саранчу, стрекоз, сверчков, пруссаков, но запретили заячье мясо, свинину, аистов, кроликов и других нечистых животных (по примеру, вероятно, египтян)...

У людей создалось неправильное представление об Едеме, где обосновались наши прародители Адам и Ева примерно 7461 год тому назад (по библейской хронологии). "И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы **возделывать его и хранить его."** И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь" (Быт. 2, 15-17).

Из этого стиха следует, что наших прародителей поселили в раю вовсе не для блаженства, наслаждений и удовольствий, а для того, чтобы сад Едемский **"возделывать и хранить его"** — значит трудиться, караулить сад, да еще не прикасаться к запретным деревьям, таившим в себе смерть, гибель человеку.

Драма библейского первого человека состояла в его неудовлетворенности своим положением: травопитание, вечное вегетаринство ставило его почти в одинаковые условия с животными, ибо и тем и другим в пищу давалась только растительность— травы с прибавлением для человека семян и плодов древесных. И в Едеме человек обрекался на труд садовника, который первым людям казался монотонным, однообразным, заставлявшим их искать какого-то разнообразия, развлечений, хотя-бы и в райской обстановке. И тут-то появляется дух-искуситель, не кто иной как Сатаниель, Сатана, один из падших, взбунтовавшихся небесных духов или ангелов.

Согласно еврейскому преданию, Сатаниель представлял из себя нечто вроде прокурора, бдителя, искавшего греха, следившего за поведением небесного воинства, а потом и людей. Он — член небесного совета, выискивающий только зло, появляющийся перед престолом Всевышнего в роли обвинителя. В появлении в библейской мифологии, почти в самом ее зарождении, духа зла сказывается не что иное, как проникновение в нее элементов иранского дуализма, зароастрианства, — религии, возникшей почти за тысячу лет до Р. Х. Как известно, евреи были освобождены из вавилонского плена, чтобы стать пленниками иранцев, отнесшихся к ним, однако, более благожелательно вавилонян, вернувших их в Иерусалим (персидский царь Кир [529 до Р. Х.] даже разрешил им восстановить храм Соломонов).

Иранская мифология приписывает сотворение человека Ормузду — богу света, создавшему его себе в помощь для борьбы с силами Аримана — духа зла. В изображении еврейской мифологии видоизменный Ариман уже выступает в виде Сатаны и увлекает Адама и Еву на путь греха, ослушания, неповиновения Богу. Ева вкусила от запретного плода и, по еврейскому преданию, превратилась в любовницу своего обольстителя, склонив на путь греха и своего мужа. По тому-же еврейскому преданию, Адам — первый атеист: спрятался от Бога, усомнился в Его всемогуществе, всевидении... Адам и Ева "скрылись от лица Господа Бога между деревьями рая... убоявшись своей наготы" (Быт. 3,3-10).

Последовало осуждение первых людей: "Жене сказал Бог: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою" (Быт. 3.16). Это пронунцементо лишь отчасти отражает действительное положение женщины в нынешнем обществе: хорошие специалисты врачи, усыпляющие средства сделали роды почти безболезненными и мужчины, особенно семейные, очень мало верят в свое господство над женами. Диккенс (1812-1870), например, однажды заметил, что все члены

английского парламента голосуют так, как им подсказывают их жены, а задолго до него — Марк Катон (195 до Р. Х.) в римском сенате заявил, что "мы, римляне, управляем всем миром, а женщины нами." Но были и люди, не завидовавшие участи женщины: афинский законодатель Солон (639-559 до Р. Х.) говорил: "Умный человек ежедневно благодарит богов за то, что они создали его греком, а не варваром, человеком, а не животным, мужчиною, а не женщиною..." Нарекала на свою женскую долю и одна из древне-греческих цариц — Мадея:

"О, если-б жен не сотворил Зевес,
И способом иным рождались дети,—
Не знали-б мы и горя на земле!"

Библейский приговор звучит сурово в отношении Адама: "Проклята земля за тебя, со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою" (Быт. 2,17-18). По одному предположению, Бог создал человека для бессмертия, **но по зависти** диавола смерть вошла в мир. Но Ездра полагает, что зерно зла было посеяно в сердце Адама в момент его сотворения... добро покинуло человека и у людей осталось злое сердце унаследованное от Адама. Хотя прямая виновница грехопадения Ева, но Ездра почему то укоряет ее мужа:

— Лучше было-бы, чтобы земля не породила тебя, Адам!

И как бы вторя ему, Экклизиаст предается мрачным размышлениям:

— Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна, как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом: потому что все-суета! Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах! (Еккл. 3,19-20).

К великому сожалению, люди отошли от повеления **"питаться полевою травою,"** отвергли вегетарианство, едят слишком много мяса, особенно в Америке, в диэте современных людей слишком много крови, плоти и за это плотоядие они расплачиваются болезнями, всевозможными недугами, ослаблением, вырождением рода человеческого...

Заключительный аккорд истории грехопадения не вяжется с подлинным представлением о милостивом, любвеобильном Творце мира:

"И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно" (Быт. 3,22). "И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни" (Быт. 3,24).

По мыслям автора Бытия, человек был сотворен для чисто животного существования: ему не полагалось мыслить, он не должен был знать ни добра, ни зла, не проникать в сокровенные тайны мироздания, в сферу божественного познания. Одно узрение, знание своей наготы будто-бы нарушило божественные замыслы, вызвало гнев и ярость Творца, обрекшего за это человека на муки земного существования, а главное — на смерть. И как-то странно звучат слова автора Бытия: "Вот, Адам стал как один из Нас," т. е. богом. Мог-ли, мало чем отличавшийся от животных, первобытный человек, нагий и беспомощный, уподобиться своему Творцу, всемогущему, всесильному, бесконечному? И к чему этот жалкий запрет, расправа, опасение, чтобы Адам "не простер руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно." В данном случае всесильный Творец, Владыка вселенной, изображается каким-то капризным, ревнивым, рассчетливым, мстительным существом, опасающимся конкуренции человека, и Он изгоняет его из рая...

Но в той же самой Библии находим обещание бессмертия человеку: "Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела" (Ис. 26,19). "И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление" (Дан. 12.2). Христос, провозглашающий "Милости хочу Я, а не жертвы," говорит о восстановлении нарушенного первоначального завета о бессмертии, о вечной жизни праведников, и это обещание находит подтверждение в словах апостола Павла: "Последний же враг истребится — смерть" (1 Кор. 15,26).

Еврейская мифология приписывает Ада-

му изобретение земледелия, железа, письменности, ремесел (но все эти изобретения более древнего, египетского происхождения). Адам прожил 930 лет (Быт. 5,5) и, по утверждению Иосифа Флавия (1-й в. до Р. Х.), перенес 72 болезни, оставил многочисленное потомство (33 сына, 23 дочери). Он был гигантского роста — "высота его до небес и там он мог слушать пение ангелов." По Корану, Адам не был сотворен бессмертным. Змий (диавол) обещал ему бессмертие.

Человечество все еще бьется над об'яснением загадок бытия, жизни и смерти. Какая-то неведомая сила соединяет, оживляет молекулы, клеточки, атомы, ткани нашего тела — игра непонятных стихийных сил. И рост и распад, изнашивание умирающего организма — вне нашей воли. Живительные лучи солнца и пагубные излучения радиактивности, действие стронция 90, вызывающего костной рак и люкемию (рак крови), не говоря уже о множестве других вредоносных, разрушительных бактериях, микробах, вирусах, подтачивающих наше здоровье. Космический фонтан элексира жизни иссякает, действие жизненной энергии в нас ослабляется, тело человека засыхает как трава без дождя.

Со смертью чередуется обновление жизни, но личное бессмертие существует лишь в мечтах, верованиях религиозных людей, в упованиях на какое-то неизвестное, неопределенное будущее (вроде пришествия Христа или загробной жизни).

Ветхий человек довольствовался несложными библейскими легендами. Бунт Адама и Евы против Творца — первая попытка человека поставить себя в независимое положение, выйти из примитивного животного состояния, начать осмысленную жизнь, достойную разумного существа. Брошенный потом небу Нимродом вызов (столпотворение Вавилонское) заключал в себе зачатки архитектурных знаний, хотя неточные расчеты вызвали обвал башни. С этого времени прошли тысячелетия и технический прогресс достиг высокого развития. Не только небоскребы, а воздухоплавание, полеты на другие планеты — становятся в очередь дня.

Но человек все еще далек от личного земного бессмертия. В обещаниях теологии малое утешение. Некоторые надежды вселяет ожидание новых научных открытий, особенно в области медицинских знаний, развитию которых, к сожалению, в значительной степени мешают гонки в вооружениях, являющихся в сущности ставками не на жизнь, а на смерть.

М. Р.

НЕУЖЕЛИ ТАК И ДОЛЖНО БЫТЬ?

Встать рано утром, второпях выпить стакан чаю или кофе и бежать "на работу," боясь как-бы не опоздать, не получить за это выговора или не подвергнуться штрафу или даже не быть вовсе уволенному со службы. Проводить 8-10 часов за какой-нибудь одуряющей работой, по большей части в помещении со спертым воздухом и не удовлетворяющем самым элементарным условиям гигиены. Питаться в каком-нибудь дешевеньком ресторане или молочной за неимением времени чтобы с'ездить домой и провести часы обеденного отдыха со своей семьей. Бояться израсходовать лишнюю копейку на свое пропитание чтобы сберечь хоть немного на нужды своих детей и жены. Возвращаться домой поздно вечером усталым, измученным от тяжелого дневного труда и не иметь средств и даже времени не только доставить себе и своей семье какое-либо развлечение, но хотя бы почитать спокойно интересную книжку, чтоб получить какое-либо духовное наслаждение. Ложиться спать и, не успевши подкрепиться достаточным количеством часов сна, снова просыпаться и опять торопиться на фабрику или завод, в контору или лавку, боясь как-бы не опоздать и не провиниться перед хозяином. И так изо дня в день, без перемен, без надежды на лучшее будущее. Таким же образом завтра, и после завтра, и в будущем году, всегда.

Неужели так и должно быть?

Жить в грязной, сырой комнате, находящейся во втором или третьем дворе, возле помойной ямы или отхожего места и за

это помещение, в котором дети бедного труженика и сам он губят свое здоровье, платить сумму, равную чуть не половине месячного заработка. При этом не иметь права, проснувшись, приняться за свои дневные дела ранее положенного часа. А вечером, возвратившись, после тяжелого дневного труда, в свою конуру, быть лишенным возможности поиграть, пошуметь со своими детишками, повеселить их, потому что хозяин дома или квартиры привык ложиться спать рано и требует безусловной тишины во время своего безмятежного сна. Перенося всякие неудобства, стеснения, подчас оскорбления, в то же время быть обязанным с самой пунктуальной точностью вносить ежемесячно квартирную плату под страхом изгнания из дома, выселения на улицу со всею семьею и домашним скарбом. Работать, не щадя здоровья, чтоб обогащать квартирною платою своего домовладельца; работать для увеличения доходности принадлежащего последнему дома. И так всю свою жизнь работать на пользу богатого собственника, быть его рабом и знать, что вырвешься из-под гнета одного, попадешь в лапы другого, быть может, еще худшого эксплоататора.

Неужели так и должно быт?

В самую лучшую пору жизни, когда так хочется энергично работать, хочется свободы, самостоятельности, отрываться от родного очага, разлучаться на несколько лет с отцом, матерью, женой и детьми, поступать в ряды войск для отбытия повинности. Обучаться убийству людей, подвергаться оскорблениям, наносимым офицерами и разного рода начальниками из нижних чинов, участвовать в насилиях над мирными обывателями по приказанию властей изучать не только бесполезные, но прямо таки вредные способы нанесения ущерба имуществу, здоровью и даже жизни "неприятелей" только потому, что они живут в другом государстве и порабощены другою властью. Отказаться на несколько лет от чувства человеческого достоинства, превратиться в машину, которою руководят, ради эгоистических целей, какие то злые люди, называющие себя начальством, неповиновение коему карается если не смертною казнью, то уже во всяком случае каким-нибудь из тягчайших наказаний, изобретать которые каждая власть ечитает своей главнейшей обязанностью, дабы приучить порабощенных людей к повиновению.

Неужели так и должно быть?

Работать в течение всей жизни и не видеть результатов своей работы, потому что современное общество устроено с таким расчетом чтоб плодами труда рабочего класса пользовались паразиты человечества: капиталисты, землевладельцы, правящий класс и его прислужники, чиновники, полиция, жандармы и т. п. Заниматься земледелием, благороднейшим из всех видов труда и платить владельцу аренду за землю, вносить поземельный налог; или же работать и делиться результатами своего труда с собственником земли. Не иметь возможности купить клочек земли в виду ея высокой стоимости и так как вся она захвачена в собственность капиталистами. Добывать средства к существованию каким-нибудь ремеслом и сводить на нет все свои заработки вследствие того, что нужно платить промысловый и подоходный налоги, уплатить за квартиру и мастерскую домовладельцу, удовлетворить денежные претензии городских и ремесленных управ, податных присутствий, полиции, санитарного надзора и т. д. Сознавать, что твой труд необходим обществу, что оно не может существовать, если не будет земледельцев, добывающих хлеб, рабочих, производящих предметы первой необходимости, и в то же время быть в полной экономической зависимости от лиц, которые живут твоим трудом и смотрят на тебя как на нисшее существо.

Не иметь права говорить то, что думаешь или выражать открыто симпатии тому, что кажется наиболее справедливым и целесообразным. Никогда не чувствовать себя свободным, даже у себя дома, потому что в любой час дня и ночи могут нарушить неприкосновенность жилища разные полицейские, жандармы, сыщики и т. п.; могут силою проникнуть в дом, чтоб перерыть все имущество, перечитать все бумаги, письма, дневники, книги, отобрать что им покажется нужным и без всякого законного основания арестовать, лишить свободы мирного и в большинстве случаев

беззащитного обывателя. При этом сознавать полную безполезность не только сопротивления, но даже протестов, ибо малейшее промедление в повиновении "власть имущим," рассматривается законами как величайшее преступление, именуемое "неподчинением распоряжениям властей." Таким образом всю жизнь свою быть покорным орудием в руках людей захвативших власть в свои руки и горделиво называющих себя начальством, призванным "пещись о благе своего народа."

Жить, не смея критиковать существующего строя и только "про себя" мыслить иначе, чем разрешает "начальство."

Неужели так и должно быть?

Сознавая себя свободным человеком в то же время быть подчиненным во всех мелочах своей жизни разным постановлениям начальства и законам, имеющим целью регламентировать чуть-ли не каждый шаг и поступок граждан. Не находить нигде места, где бы можно было чувствовать себя вне надзора полицейских, жандармов, сыщиков, шпионов и прочих врагов свободы человеческой. Жить и работать для того, чтоб над тобой издевалось правительство разного рода, начиная от деспотов-императоров и кончая не менее деспотическою советскою властью, кричащею о том, что она народная, а по существу являющеюся такою же узурпаторскою, как и царская власть, и еще более ненавидимой, чем последня простым народом, т. е. настоящими рабочими и земледельцами — крестьянами. Знать, что ты раб и что нет конца твоему рабству, потому что куда бы ты ни пошел, везде народ кем-нибудь да порабощен. В одном месте его эксплоатирует король и его прислужники, в другом — правительство, именующееся республиканским, но опирающееся на класс капиталистов и потому буржуазное, следовательно враждебное интересам трудового народонаселения, в третьем — правительство большевистское, достигшее в деле эксплоатации народных масс высшей степени совершенства и подавившее в своих "подданных" даже то элементарное сознание свободы, которое теплилось в русском народе при царском режиме...

Словом, куда бы ни пошел, нет возможности найти тот строй, при котором каждому дышалось бы легко и свободно, т. е. такое устройство, которое известно под именем мирного анархического сожительства.

Неужели так и должно быть?

Нет, я думаю, что должно быть иначе, что добьется в конце концов рабочий класс своего освобождения и покажет миру, как нужно жить, как осуществить мечты человечества о свободной, братской и трудовой, не паразитической жизни.

А. Абутков

ОДНА ИЗ РЕЧЕЙ КАРЕЛИНА

ОТ РЕД.: Ниже приводимая речь А. А. Карелина была произнесена им незадолго до его смерти в одном из московских анархических клубов, тогда еще не закрытых большевиками. Прочесть эту речь и теперь интересно. Во-первых, в ней во весь рост виден Карелин — один из чистейших русских революционеров (тот факт, что Карелин иногда дает крен в сторону "русскости" нисколько не умаляет его чистоты) — с его глубокой верой в светлое будущее. Во-вторых, в речи есть места почти пророческие. Например, то место, где говорится, что население России, недовольное сов. порядками, может предпочесть другого поработителя, вполне оправдалось во дни нашествия гитлеровских полчищ на Россию. Как мирные жители, так и та часть населения, которая была в солдатских мундирах, усмотрела в лице Гитлера чуть-ли не избавителя.

Когда Карелин произносил свою речь, — эхо кронштадтского восстания еще звучало на необ'ятных просторах России. Слышится это эхо и в речи Карелина. В то время многим — в том числе и Карелину — "новые кронштадты" казались вполне возможными. Теплилась тогда еще одна иллюзия: теоретическая возможность сосуществования (выражаясь современной терминологией) с большевиками. Увы, иллюзия эта быстро рассеялась. Все погибло во дни расцвета "ежевщины" и даже раньше этого. Большевики пошли на сосуществование не с теми, кто творил революцию, а с теми, против кого революция творилась.

Интересно читать и перечитывать речь Карелина еще и потому, что она, как и все написанное Карелиным, полна пафоса, пересыпанного блестками высоких душевных качеств. Редко кому удавалось так внятно, четко и красиво писать...

Пролетела буря над русской землей. Многое сокрушила она. Она не только освежила воздух, не только дала пролетариату возможность надеяться на лучшее будущее, не только подняла дух получивших землю крестьян, она принесла в Россию семена коммунистического учения.

Наступил штиль. Утеряна народом и рабочими свобода, которую они завоевали. Далеки народные массы от материального благосостояния, но "времена приближаются" и не так далеко то время, когда солнце свободы и народного благосостояния засияет над русской землей.

Сильно и грозно били волны взбушевавшегося народного моря о гранитные скалы капитала и власти. Немного изменили эти скалы свою наружность: — место самодержавной заняла олигархическая власть, место частного капитала занял капитал государственный, все же не вытеснивший капитала старых видов.

В течении столетий под тяжким гнетом царя-власти и царя-капитала влачил русский народ тяжелое существование.

Со всех сторон ставились преграды его счастью, строились заставы, мешавшие развернуться его самодеятельности.

Как задыхается в могиле заживо-погребенный, так под пятою разбойничьей власти и грабительского капитала задыхался и погибал великий русский народ. Сам задыхался и другие народы душил.

Страшный призрак народного вымирания витал над нашей страной. Европейские государства не знали такой высокой смертности, как барская и царская Россия. Не знали такой смертности, потому что не знали такой нищеты, как наша.

Но одна за другой падали разбойничьи заставы. Свалился с нашей могилы гробовой камень варварской власти и мы вздохнули облегченной грудью. Исчезла власть помещиков, ослабла власть фабрикантов и русские узнали, что не так уж непоколебим был властный строй, как говорили об этом.

Медленно слагается общественная жизнь. И жизнь новая, жизнь светлая только стучится в наши двери. Рано или поздно (скорее, чем это думают) мы откроем их.

Правда, мы потеряли завоеванные нами свободы, потеряли прежде, чем сумели воспользоваться ими. Когда свободы имеются, они почти не замечаются, как не замечается воздух, которым мы дышем. Но когда нет свободы, начинает задыхаться народ и, если живет, то живет болезненной, уродливой жизнью.

Если свет свободы не засияет над русской землей, погибнет она вместе со своими властителями и спокойно встретит любого поработителя, хотя бы он назвался ненавистным именем старых властителей.

Переживаемое нами время очень сложно. Много важных вопросов — жизни или смерти, свободы или рабства, благосостояния или нищеты, — стоят перед нами во весь рост. Эти вопросы не могут быть заглушены дикими криками о том, что свобода является буржуазным предрассудком, не могут быть заглушены криком, смешивающим нищету с коммунизмом.

Во всяком случае мы переживаем тяжелое, но полное надежд время, хотя многие употребляют все усилия для того, чтобы убить эти надежды.

Многие не знают что делать, с отвращением тянут служебную лямку и ищут забвения в пустой шумихе рабской жизни. Другие ждут, что спасение рано или поздно придет к нам из кабинетов наших начальников.

Но верно только одно: только сам народ, взяв в свои руки все свои дела и раз на всегда отказавшись от кровавых барских потех, спасет сам себя и направит свою жизнь по верному пути. Для этого надо, чтобы народ зажил свободной творческой жизнью. Но врагами народа постоянно сеется среди нас тревога и смута. Часто самые злые враги наши прикидываются друзьями народа и нашептывают ему вредные советы, предлагают яд вместо лекарства. Смутное тяжелое для всех, кроме горсточек непманов и чиновников, время переживает Россия.

Но что же следует из этого? Все великое рождается в страданиях. Вся история освобождения человечества от старых проржавевших цепей неволи написана кровью и слезами

И ребенок рождается на свет при муках и страданиях матери. А теперь появляется новая жизнь не одного человека, а громадной части человечества.

Через тернии к звездам наш путь! Будем мужами и перенесем все. Пройдет не-

сколько лет тяжелой борьбы и наступят долгие годы благоденствия.

Нельзя сказать, что хорошо идут дела пытавшейся освободиться России. А поэтому все наши надежды возложим на самих себя, на свои об'единения для достижения великой цели. А если таким об'единениям будет мешать чиновничество всех видов, чиновничество, способное только приписывать себе все то, что завоевывает народ, а свои безмерные глупости приписывать народу, тогда... тогда мы скоро очутимся у разбитого корыта.

Чиновник — всегда и везде чиновник. Он будет писать бумаги о паровых плугах и не догадываться, что завтра неурожай охватит громадную часть России. Он и не догадывается, что надо сделать для того, чтобы на наших нивах рос хлеб, а не лебеда. Лица, не умеющие отличать овса от ржи, пшеницы от ячменя, плохие учителя крестьян.

По прежнему бедно, скучно и тоскливо в наших деревнях. Один из крестьян пишет мне: "жизнь наша печальная и окромя того ничего нету."

В наше время громадное податное обложение не дает крестьянину по человечески устроить свою жизнь и, волей неволей, соглашаешься со словами поэта о крестьянине России: "В трудах проходит жизнь его и не приносит ничего."

Не блестяще, ох! не блестяще живет и так называемый победоносный пролетариат, в рядах которого свирепствует неслыханная удрученность. По прежнему проституция позорит женщин и покупающих их мужчин. По прежнему нет материального благосостояния, нет и тени свободы.

Но неужели мы сделали революцию для того только, чтобы переменить господ? Конечно нет. Никто не думает так, и я вовсе не хочу сказать, что мы не сдвинулись с мертвой точки.

Сдвинулись! Встали не бужены, вышли не прошены люди упорной воли, люди далеких и глубоких низов. Поднимается земля русская и волны народного океана бьют в плотины нищеты и порабощения. Скоро, скорее, чем думают, не добром, так новым взрывом добьется народ возможности устроиться так, как ему надо.

И я вижу тебя духовными очами, освобожденная Россия, — страна справедливости, свободы, благоденствия и порядка.

Десятками миллионов немолчных голосов требует народ человеческой, а не холопской жизни, требует воли и, не стесняясь, говорит об этом.

Эти требования сольются в мощный поток и он снесет плотины своекорыстия, властолюбия, тупого самохваления, чванства.

Нас, — (не словами, а, что опаснее, делами), — зовут назад, но... "не течет река обратно" и не будем мы топтаться на одном месте.

Нам кричат: горе вам, если вы не покоритесь нам! А мы отвечаем: горе тебе, земля русская, если дашь взнуздать себя! Если надо, то по нашим трупам, иди к свободе и счастью, но иди сама, а не на поводу у чиновников царских или барских!

Высоко поднимем стяг золотой свободы, которую топчут в грязь люди с психикой рабовладельцев или просто неумные люди. Горе тем, кто думает втоптать в грязь неот'емлемые права наши!

Вы, к свободе, к равенству и справедливости стремящиеся! Дружно вперед, к счастью, к свободе, к свету!

"Анархия — мечта всех возлюбивших свободу, — да приидет царствие твое!"

"Ты яркое солнце свободы и счастья, все ярче и ярче гори."

П. А. Кропоткин и техника

Многочисленные утопии в области построения идеального общества неизменно опираются всегда на большую роль техники, успехи которой должны помочь освобождению человечества от рабства силами природы и устроению его материального и морального благополучия. Странным образом однако эта техника оказывается не другом, а врагом человека, и от наибольшей части утопий со всеми их изумительными идеальными достижениями техники веет мертвечиной и человек кажется не господином, а рабом им же созданных чудес изобретательности технического гения.

П. Кропоткин в этом отношении является полной противоположностью таких утопистов и мечтателей. В его капитальных работах "Хлеб и Воля," "Поля, фабрики и

мастерские" и в популярном изложении последней работы "Труд ручной и умственный" каждое достижение человечества представляется П. А. совершаемым при том или другом содействии техники, опирающейся на научные достижения.

При том П. А. говорит о "довольстве для всех," для него это не мечта, а реальность, основанная на производительном труде при помощи методов и достижений техники.

Представитель анархического коммунизма, не останавливающийся перед указанием на необходимость разрушения многих основ старого общества, П. А. проявляет в то же время совершенно исключительное стремление к творчеству, непосредственно пытаясь каждое разрушене заменить и сопроводить соответствующим творческим процессом, не слагая ни на чьи плечи это дело, а намечая для него пути.

"Революция должна обезпечить каждому помещение, хлеб и одежду," — говорит П. А., и шаг за шагом показывает в ряде блестящих страниц те процессы, пути и средства, которые могут дать эти простые, элементарные, но совершенно недостаточные пока что, блага человеку.

Технику и ее достижения призывает П. А. и для удовлетворения духовных потребностей тех, которые, имея досуг от текущего труда, будут иметь свои идеи, а равно и тех, для коих текущей работой является деятельность в области умственного труда. Возможность возрождения искусства П. А. видит только при освобождении человечества от материального рабства, при наличии общей идеи в обществе, а придти все это может только при широком использовании услуг техники; до этого "искусство может только прозябать."

П. Пальчинский

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ РУССКИХ ДЕТРОЙТЦЕВ

(Глава из неизданной книги)

Идейно кооперация захватила русских колонистов в Америке весною 1915 года, во время разгара первой мировой войны, но на практике она воплотилась лишь летом 1919 года. Общий мировой кризис и тяжелое экономическое положение рабочих и фермеров были главной причиной возникновения в 1915 году кооперативов в Соединенных Штатах. Во многих городах тогда появились разные производственные, потребительские, сельско-хозяйственные и дрг. кооперативы. Но русских колонистов это движение захватило лишь, после палмеровских погромов, когда нужно было прикрывать свою идейную деятельность чем-то невинным.

Революция в России вызвала среди русских колонистов в Америке страстное желание возвратиться на родину и принять участие в построении новой, свободной жизни. Некоторые действительно уехали в Россию, а оставшиеся, горя желанием последовать за уехавшими, продолжали участвовать в радикальных организациях, стоявших на страже русской революции.

Движение в пользу революционной России, охватившее широкие слои русской трудовой колонии, навело страх на американское правительство, усмотревшее в этом угрозу институтам порабощения. Ретивый Палмер открыл поход против русских р дикальных организаций, закончившийся массовыми погромами, избиениями, арестами и высылкой из страны многих анархистов и социалистов. Прежняя легальная работа стала немыслимой. Нужно было — или уходить в подполье, или прикрываться чем-то безобидным. Кооперация тут пришлась весьма кстати.

К этому времени уже стало очевидно, что русская революция проиграна. Бол шевики, укрепившись в захваченной ими власти, повели атаки не столько против контр-революции, сколько против революционных завоеваний народа. Они уничтожили автономные советы, ввели полицейский режим и террор. Скрутили всех в бараний рог, и в довершение ко всему, закрыли границы, боясь проникновения извне не столько контр-революционеров, сколько подлинных революционеров.

К этим двум причинам — палмеровской реакции и закрытию границ России — надо прибавить еще одну: безработицу, прокатившуюся по стране вскорости после

окончания первой мировой войны.

Так или иначе, но в 1919 году, еще до палмеровских погромов, во многих местах массового поселения русских рабочих, начали возникать кооперативы. Продолжали они возникать и после палмеровских погромов. Детройт с его 20-тысячным населением русских оказался чуть-ли не пионером в этом деле. Если принять во внимание, что в Детройте в то время было шесть Союзов Русских Рабочих, то и удивляться тут нечему. Членам ССР были известны все выгоды кооперативного дела. Они читали об этом в книгах. И вот в июле месяце 1919 года в Детройте возникла новая организация, которой было дано имя: "Международное Кооперативное Общество." Открылся первый русский кооперативный ресторан. Устав Общества гласил: улучшение приготовляемой пищи, сближение русских рабочих, выполнение культурно-просветительных задач, постройка собственного дома и материальная помощь нуждающимся членам. Цели эти, по мере возможности, продолжают выполняться до сих пор.

С течением времени Общество открыло несколько ресторанов в других частях города, не с целью наживы, а для удовлетворения нужд русских детройтцев. Получавшуюся прибыль делили на две части: одну часть отпускали на благотворительные дела, а другую хранили для приобретения собственного дома.

В 1925 году Общество построило собственный 2-х этажный дом стоимостью в 32 тысячи долларов. Первый этаж был отведен под ресторан, а на втором находился большой зал для собраний, лекций и других предприятий. В заднем особнике помещалась библиотека и книжный склад. Так как человек жив не хлебом единым, т. е. не только вкусной и здоровой пищей, то вокруг кооперативного дома вскорости стали группироваться организации, ставившие чисто духовные цели. Такими организациями были: Русский Драматический Кружок, Хоровой Кружок, Русско-Американский Клуб и, конечно, вечерняя школа. Все эти организации пользовались удобным помещением кооперативного дома, часто бесплатно, а иногда за небольшую плату.

В 1928 году Кооперативное Общество приобрело еще один ресторан с полной обстановкой, а в 1936 году оно приобрело второй собственный дом стоимостью в 19 тысяч. Через некоторое время дом № 1 был продан вследствие сложившихся неблагоприятных условий в том районе, в котором находился дом.

В 1945 году члены Кооперативного Общества купили большую фарму за 68 тысяч долларов. Фарма является хорошим сельско-хозяйственным предпринятием. И в настоящее время, владея фармой, рестораном и денежными средствами, русские кооператоры Детройта мечтают о создании удобного уголка для престарелых, которых все больше и больше становится в русской колонии.

В 1939 году Международное Кооперативное Общество отпраздновало 20-летний юбилей, прошедший с большим моральным успехом. В торжестве приняли участие представители многих организаций, выразившие свое сочувствие и симпатии кооператорам за их проведение в жизнь нужного и полезного дела. Спустя пять лет, в 1944 году. Общество отпраздновало 25-летний юбилей. По этому случаю был издан Юбилейный Сборник размером в 112 страниц большого журнального формата, в котором подробно описана жизнь и деятельность Общества во всех областях — хозяйственной, культурно-просветительной и благотворительной. В сборнике отведено также много места статьям о принципах кооперации, о жизни русских в США и в Канаде. Из финансового отчета, напечатанного в сборнике, видно, что торговой оборот Общества за 25-летний период превысил два миллиона долларов. Чистая прибыль выразилась в сумме 84,000 долларов. Из этой суммы Общество пожертвовало свыше 10-ти тысяч на культурные цели: издание книг, журналов, газет, устройство лекций и т. п. Свыше 2-х тысяч было пожертвовано в пользу политических заключенных в России. Общество помогает также некоторым зарубежным русским писателям и ученым.

Помимо своего чисто практического значения, русское кооперативное дело в Детройте имеет также воспитательное значение. Оно свидетельствует чего могут достичь люди, действуя сообща. Русские кооператоры гор. Детройта не проходили

специальных курсов по кооперации. Но они на практике видели, что их эксплоатируют не только как производителей (на фабриках), но и как потребителей (в лавках и ресторанх). Видели они также, что если они будут действовать в одиночку, то от эксплоатации на почве потребления они никогда не избавятся. С этой целью они и решили, так сказать, сами себя кормить и давать другим здоровую и вкусную пищу по умеркованной цене. Пища, конечно, самое главное в жизни человека, но все же она — не единственная потребность. Покупать нам приходится и другие вещи: одежду, обувь, вещи домашнего обхода и т. д. Нет сомнения, что если бы были открыты кооперативные магазины, то они так же успешно существовали бы, как и кооперативные рестораны. Это, между прочим, подтверждается практикой духоборцев, где недавно начали функционировать кооперативные потребительские лавки.

Да, пример русских кооператоров в Детройте весьма показателен.

Л. Липоткин

ДЕЛО ТРУДА—16

О, мой Христос! О, кроткий Бог!
Смотрю на лик твой скорбный, чистый...
Душе рожденной средь тревог
Нельзя понять твой взор лучистый.
Тебе отдал я песнь мою...
Пускай в ней звуки бледны, жалки,
Но для тебя венок я вью,
Вплетая нежные фиалки.
К ногам божественным твоим
Кладу пучки душистых лилий,
И звуком кованным моим
Придам мечте заветной крылья.
Я — сын борьбы, житейских бурь,
Мне не понять твое ученье,
Но вижу кроткую лазурь,
Горячей силы вдохновенье
В улыбке и в твоих очах,
Сиявших пламенной любовью.
И знаю я — неведом страх
Душе залитой алой кровью...

Скажи, скажи — зачем, пророк,
Пришел ты в мир ничтожный рабства?
Где злато — царь, где жизнь — порок,
Закон — коварное лукавство.
Зачем ты свет любви прекрасной
Бросал толпе шипящих змей?
Зачем ты бросил бисер ясный
К ногам прожорливых свиней?
В моей душе любви уж нет,
В ней мести крик, глухая злоба,
Но для тебя, великий свет,
Остался верен я до гроба.
Когда тебя вели на казнь
Врагов блестящие шпалеры,
Я, затаив в душе боязнь,
Один с толпой легионеров
Отважно бросился на сеч...
Излил печаль последним боем.
Ах, мой стальной, кровавый меч
Свистал в врагах победным боем.
Но суд толпы жесток, жесток...
И я упал... Дымится рана...
Любви кровавое Осанна.

Простил-ли ты меня тогда?..
Я был жесток, любви не веря.
Я — человек, я — человек...
С горячей пылкой кровью зверя.
Пусть песнь моя летит в простор,
В ней нет лукавства, лжи и лести.
Христа лучистый, ясный взор
В ней пропитался ядом мести.

Б. Плетнер

БАКУНИН

Могучий, огромный с растрепанной гривой,
Таких непокорных и буйных волос
Ты встал над долиной кровавого мира,
Дерзанья и бунта колосс.
Ты звал, и на зов твой горячий и знойный
Ответное эхо гремело вокруг.
И шел за тобою народ беспокойный,
И буря смыкала свой огненный круг.
В Париже, в Берлине, по тюрьмах России —
Ты всюду рассеял святые огни
Дитя непокорной и буйной стихии.
Как дикая буря прошли твои дни!..
Пророк и Апостол святого ученья
Был там ты, где гуще струилася мгла,
Как доблестный воин, бросая каменья
В твердыни безумий, насилья и зла.
Ты умер, но воля, могучая воля,
Живет и теперь среди мира во мгле,
Ты семя посеял на вспаханом поле
И пышные всходы взойдут на земле.

В. Плетнер

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ"

Общественно-политический и литературный орган. Выходит периодически в форме большой книги.

Адрес:

NEW REVIEW

2700 Broadway New York 25, N. Y.